

**ДВАЖДЫ
ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР**

ДВАЖДЫ ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР

Спежипек • 2012

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)6

Д22

Составители: Г. В. Казаченкова, Е. В. Кондратьева, В. Б. Литвинов

Д22 Доклады первый директор. – Свердловск: Изд-во РФФИЦ – ВНИИГФ / Под ред. Н. П. Волошина, 2012. – 104 с., ил.

ISBN 978-5-902278-61-0

Издание приурочено к 110-летию со дня рождения выдающегося организатора производства и градостроителя Д. Е. Васильева, создавшего два города – Лесной (бывший Свердловск-45, Свердловская обл.) и Снежинск (бывший Челябинск-70, Челябинская обл.). Он же возглавлял в этих городах две крупные организации – комбинат «Электрохимприбор» и ядерный центр, известный сегодня как РФФИЦ – ВНИИГФ им. акад. Е. И. Забабахина. Восточивания современников, архивные документы, исторические справки, фотоминюстрации повествуют о роли Д. Е. Васильева в истории создания известных городов.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)6

ISBN 978-5-902278-61-0

© РФФИЦ — ВНИИГФ, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полная история советского атомного проекта еще не написана, хотя очевидно, что атомный проект имел самый высокий приоритет в политической и экономической жизни послевоенного СССР.

Иадаю многотомное собрание документов «Советский атомный проект», но обобщающих работ по этой теме еще не существует, хотя деятельность в этом направлении ведется большая¹.

Соответственно и история уральских предприятий ядерного оружейного комплекса еще написана не полностью. Отчасти это связано с соображениями режима секретности, а отчасти и с тем, что многие источники труднодоступны. Некоторое обобщение информации по этой теме дано в статье Б. В. Литвинова «Создание Уральского ядерного оружейного комплекса в 50-х годах».²

Приведем довольно обширную цитату из этой работы:

«Выбор Урала для создания здесь этого уникального и мощного научно-производственного ядерно-оружейного комплекса, состоящего из ряда предприятий, объединенных единым циклом от создания ядерных зарядов и ядерных боеприпасов до производства и их, и всех необходимых материалов для них, конечно же, не был случайным. С самого начала Великой Отечественной войны сюда была эвакуирована значительная часть предприятий с европейской части страны с оборудованием и кадрами, сумевшими в короткое время наладить массовое производство разнообразной военной техники, необходимой для фронта, для разгрома врага. После окончания войны часть предприятий и их работников вернулась на старые места, но немало специалистов высокого класса осталось и на Урале. На местах разрушенных заводов в европейской части страны создавались новые заводы с новым оборудованием. На Урале остались предприятия и оборудование на них. Появился избыток электроэнергии. Именно эти обстоятельства: достаточность квалифицированных инженерных и рабочих кадров, их высокая работоспособность, развитая энергетика и, наконец, удаленность от границ — создали предпосылки для размещения на Урале предприятий ядерно-оружейного комплекса. Эта уникальная связка родственных предприятий за короткое время достигла значительных успехов».

С целью компенсации одного из таких пробелов издательство РФЯЦ – ВНИИТФ представляет вниманию читателей книгу воспоминаний и документальных свидетельств о Дмитрие Ефимовиче Васильеве.

Биография Д. Е. Васильева хорошо известна, но некоторые моменты, конечно, нуждаются в дополнительном изучении, а именно взаимодействие его как директора с научными руководителями — акад. Л. А. Арцимовичем и К. И. Щёлкиным. Вероятно, в этой работе должны принять участие профессиональные историки, и на основе архивных изысканий создать документированное аналитическое описание этого взаимодействия.

Другим интересным и перспективным аспектом является, безусловно, детальное историческое исследование работы Васильева на Уралмаше. Вот как пишет он сам в автобиографии:

«В Нолбре 1937 года первичной организацией был исключен из партии за ошибки, допущенные при работе в Отделе кадров. Свердловский Горком ВКП(б) решение об исключении отменил, объявив строгий выговор за притупление бдительности».

¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы: [в 3 т.]. – М.: М-во Рос. Федерации по атом. энергии, Рос. акад. наук; [Сост.: Л. Н. Кудимова (отв. сост.) и др.]; Под общ. ред. Л. Д. Рабена. – М.: Наука; Физматлит, 1998–2010.

² Например, такие издания, как: Укрепление ядра: Страницы истории ядер. оружия и ядер. инфраструктуры СССР / Н. А. Андрияшин, А. К. Чернышев, Ю. А. Юдин. – Саров: Аналит. центр по пробл. нераспространения; Саранск: Крас. Окт., 2003. – 481 с.; История советского атомного проекта: Документы, воспоминания, исслед. / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова; отв. ред. и сост. д. ф.-м. н. В. П. Визгин. – М.: Янус-К, 1998.

³ Б. В. Литвинов. Атомная энергия не только для военных целей. Екатеринбург, 2002. – С. 114–119.

В чем состояло «притупление бдительности»? Вероятно, в помощи «врагам народа» или по крайней мере в неучастии в их травле? На эти вопросы пока нет ответа.

Еще одним обстоятельством, заслуживающим исследовательского внимания, хотя и с трудом поддающимся реконструкции является отношение самого Д. Е. Васильева к непрерывным переездам в послевоенное время. Для иллюстрации приведем отрывок из книги воспоминаний Б. В. Литвинова, посвященный В. Г. Музрукову, директору Уралмаша в годы работы там Д. Е. Васильева:

«... мне вдруг позвонил Музруков. Он был в то время директором КВ-11, и я общался с ним только по делам, а тут внезапное приглашение меня к себе. Я приехал. Он встретил меня и посадил напротив столика, приставленного к большому письменному столу. Сам пошел к сейфу, достал оттуда какую то бумагу, и, сев у столика напротив меня, протянул мне эту бумагу. Я увидел документ, который начинался со слов: "Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)". Ниже на этой бумаге написано: "Решение. Рассмотрели и приняли решение о переводе директора Уральского Машиностроительного завода (Уралмаша) товарища Музрукова В. Г. на комбинат № 817. Приступить к работе сразу после получения решения". Подпись красным карандашом хорошо всем знакомая: "И. Сталин". Я прочитал эту бумагу дважды. Посмотрел на Бориса Глебовича, держу бумагу Сталина, молчу. Борис Глебович мне и говорит: "Вот так назначали на крупные дела. Теперь с тобой разговаривают, наверное, уговаривают, а тогда посылали, как на фронт, без уговоров. И тебе надо так же: получил новое назначение, да еще такое ответственное, начинай думать, как лучше с ним справиться. Я давно тебя знаю. У моего Володьки жизнь не удалась, как мне хотелось. Так ты не ломай ее себе. Отказаться, конечно, можно, но и роста тебе не будет. У тебя есть для этого данные, я давно за тобой наблюдаю и твоей работой доволен. Так что не сомневайся, справишься. С женой поговорил? С матерью? Я знаю, она здесь работает в ОРСе. Что теперь ты скажешь? Но не торопись, подумай, съезди на Урал, я там долго работал. Люди там золотые, что на Уралмаше, что на комбинате». Я сказал, что мне уезжать из Сарова очень не хочется, прикипел я к этому месту. Борис Глебович мне и говорит: «А я что, не прикипал ни к Уралмашу, ни к комбинату, ни к КВ-11? Я трижды прикипал и дважды откипал, может быть еще к чему прикипать придется. Да и какие твои годы? Только жизнь начинаешь. Все впереди. Не бойся, дерзай". Что тут скажешь после слов Бориса Глебовича? Я поблагодарил за добрые слова и пообещал подумать. "Думать думай, но решение принимай сам. Тебе жить, как решишь, так и жизнь твоя пойдет: или прямо, как я шел всю жизнь, или свернешь в сторону...". Борис Глебович встал и я встал. Он крепко пожал мне руку и проводил до двери из приемной. Я ушел, задумавшись".

Известно, что в Лесном у Д. Е. Васильева умерла мать, а жена, по публикуемым воспоминаниям принимавшая активное участие в работах ЭХП, в Снежинск не поехала. Возможно, личная драма Васильева, связанная с этими обстоятельствами еще будет раскрыта, поскольку, на наш взгляд, она была достаточно типичной.

Составители благодарят администрацию пос. Суксун Пермского края и Суксунский музей, администрацию г. Лесной Свердловской области и ФГУП «Комбинат "Электрохимприбор"», а также музей г. Снежинска за предоставленные материалы.

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Ефимович¹

10(23).11.1902—08.03.1961

Организатор производства, руководитель промышленных и научно-производственных предприятий, инженер-полковник (1945), лауреат Сталинской премии 2-й степени (1953), член ВКП(б) с 1927 г., депутат Верховного Совета РСФСР (1947—1952); избирался членом бюро ГК КПСС и депутатом городского совета депутатов трудящихся.

1918 — подручный слесаря, член большевистской группы завода.

1919 — монтер колонны телеграфной связи, г. Кунгур.

1920 — работник почтово-телеграфной конторы в Суксуне.

1925 — политпросветорганизатор Суксунского района, затем заместитель заведующего Уральским областным отделом народного образования.

1931—1936 — студент механического факультета Уральского машиностроительного (с 1934 — индустриального с 1948 — политехнического) института.

1933 — продолжая учебу на вечернем отделении, начал работать на Уральском заводе тяжелого машиностроения (начальник отдела кадров, отдела заказов, планово-производственного отдела, начальник производства — заместитель главного инженера).

1945 — главный инженер танкового завода (г. Омск).

1946 — директор завода (там же).

1947 — возглавил создание завода по производству ядерных зарядов, боеприпасов и специальных материалов на комбинате «Электрохимприбор» (г. Свердловск-45, ныне г. Лесной).

1955 — директор НИИ-1011, (ныне г. Снежинск).

Награжден орденами: Ленина (1942, 1944, 1953), Трудового Красного Знамени (1943), Отечественной войны II степени (1945).

Имя его занесено в Книгу трудовой славы г. Снежинска (1973).

Его именем названы одна из вершин Памира в верховьях ледника Федченко (1968), улицы в г. Снежинске и в г. Лесном, средняя школа № 76 (г. Лесной).

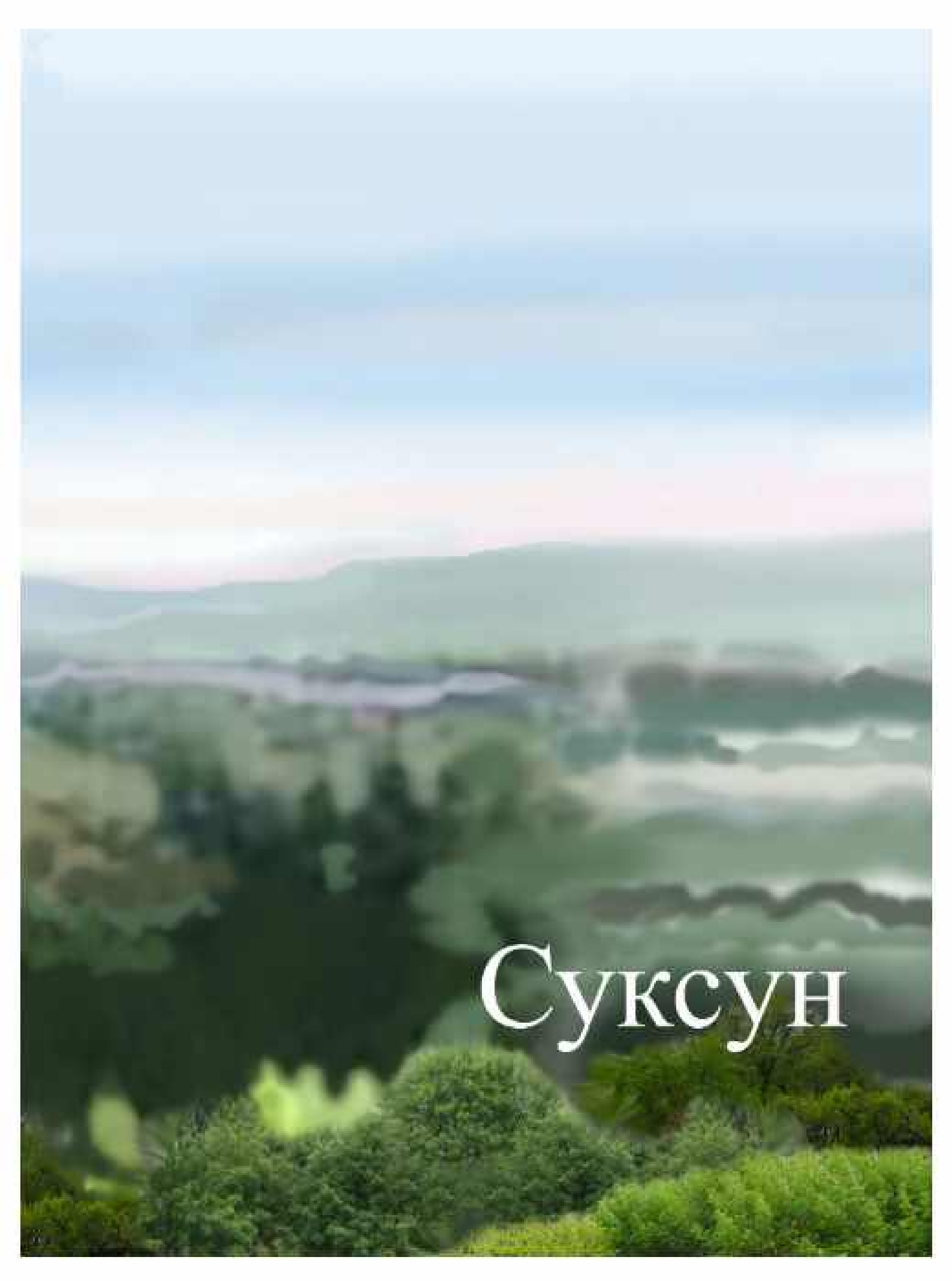
В 1999 в РФЯЦ — ВНИИТФ учреждена премия им. Д. Е. Васильева, которая вручается лучшим работникам, внесшим наибольший вклад в организацию производства, за выполнение наиболее важных производственно-технических задач.

23 ноября 2002 в Снежинске установлен памятник Д. Е. Васильеву.

Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

A scenic landscape photograph featuring rolling green hills and a valley. In the foreground, there are dense green bushes. The middle ground shows a valley with a river or stream winding through it, surrounded by lush greenery. The background consists of more distant, hazy hills. The sky is filled with soft, colorful clouds in shades of blue, pink, and orange, suggesting a sunrise or sunset. The overall atmosphere is peaceful and natural.

Суксун

Дмитрий Ефимович Васильев родился в 1902 году в Суксун-заводе, в семье ямщика Ефима Васильева, приехавшего в Суксун из Молебки. Мать Дмитрия Анастасия Захаровна, уже вторая жена Ефима, была младше мужа на много лет.

В Суксуне в то время действовал железный завод, владельцем которого был И. Г. Каменский.

В состав населения Суксуна входили в основном крестьяне, мастера, а также мещане и купцы. В Суксуне развивались ремесла и промыслы. Широко распространился медно-изделийный и кузнечно-слесарный. Многие подрабатывали извозом, как и Ефим Васильев.

Старики рассказывают, что Ефим и его сын от первой жены Федор сильно пили. Когда родился Дмитрий, Федору было уже 26 лет. Крестили Дмитрия в Вознесенской церкви, крестными его записаны Федор и дочь Ефима Анна — сводные брат и сестра.

Дом № 79 по улице Верхние Глиники (нынешняя улица им. Кирова), где родился Васильев, двухэтажный. Построенный Ефимом без фундамента, на бревнах, дом в настоящее время приходит в упадок. До сих пор на доме висит подкова на счастье.

Улица, где родился Дмитрий слыла как «самоварная» улица. На ней находились дома кустарей-медников, а также в улице проживали «гармоньщики» Блохины, с которыми семья Е. Васильева была родственно связана.

Воспитывался Дмитрий со своими сверстниками и детьми старшего сына своего отца. В 1913 году Ефим умер, и сын Федор выгнал вторую жену отца, Анастасию, из дома, чтобы она не претендовала на наследство. В конце этого же года Федор умирает и сам, оставляя на попечение своей жены трех сыновей —

Дмитрию Васильеву 17 лет

Евгения, Михаила и Андрея (племянников Дмитрия Ефимовича).

Анастасия Захаровна идет работать по найму, чтобы прокормить Дмитрия и себя. Она нанимается на работу к заводчику Каменскому в богатый дом управляющего заводом.

Дмитрий, приходя в дом Каменских с матерью, познакомился с приемным сыном заводчика Колей Ильиным — своим ровесником, с которым иногда играл.

Друзья Дмитрия — ребята с соседних улиц и соученики по школе. О детстве и юности Дмитрия мало что известно. Его окружали самые разные люди. Мать, желая дать сыну образование, отправила его учиться (около 1909 года) в Суксун-

ское 2-классное училище, построенное заводчиком Каменским в 1907 году. Дети здесь учились до 6-го класса.

В 1914 году училище стало именоваться высшим народным училищем. Не за горами были события революции. Среди соучеников Дмитрия те, кто оказался в первых рядах борцов за власть советов, комсомольцев, а также белогвардейцев и повстанцев. Непримируемая вражда была тогда и среди учащихся. «Патриции» и «плебеи» постоянно сталкивались в спорах и драках.

Свою трудовую деятельность Дмитрий начал на Суксунском заводе подручным слесаря в 1918 году. Было ему 16 лет. Он оказался дружен с большевиком Павлом Маноспиным, который организовывал первый совет солдатских и крестьянских депутатов и в последствии погиб от рук местных повстанцев, боровшихся с советами.

1918 год — кровопролитный год в истории Суксун-завода. Погибли почти все члены первого совета. Был повешен первый красный директор завода.

В апреле 1919 года Васильев нанялся монтером в телеграфную колонну и временно уехал из Суксуна. Первое время работал в Кунгуре, Бирске. С приближением фронта колонну перебросили на ремонт телеграфной линии Петропавловск—Акмолинск.

В начале 1920 года Дмитрий вернулся в Суксун-завод и продолжал работать монтером, а после — линейным надсмотрщиком телеграфной линии.

Дмитрий Ефимович был одним из первых, кто вступил в комсомол. В 1923 году в Суксуне была организована вторая комсомольская ячейка, поскольку первая распалась в годы гражданской войны. Среди принятых 25 человек был и Дмитрий.

Он стал режиссером драмкружка, который посещали молодые учителя и

рабочие. Спектакли ставили два раза в неделю. Выпускали «живую газету», проводили работу по антирелигиозному воспитанию. Комсомольцы боролись с пьянством среди молодежи, приходили на вечеринки, разучивали с молодежью советские песни и игры. В эти годы был организован фиакультурный кружок. Занятия и показательные выступления проходили в верхнем и нижнем садах Суксуна.

В 1924 году Дмитрия Васильева назначили политпросветорганизатором Суксунского райотдела народного образования. По линии культпросветработы он учится в Кунгуре, а затем в Свердловске.

В 1927 году Дмитрий Ефимович вступил в члены ВКПб. Ему было тогда 25 лет.

Суксунская Вознесенская церковь, в которой крестили Митю Васильева

Суксеунское двухклассное училище, где учился Митя Васильев.

Д. Е. Васильев (справа) во время учебы в г. Кунгуре

Участники Сухопутного драмкружка

Анна Григорьевна Седькова

ВОСПОМИНАНИЯ К. Г. СЕМКОВА²

По улице Верхние Глилки (ныне Кирова 79) до революции проживал Ефимко Васильев. Он в Суксун приехал из Молебки. Держал лошадей и ездил по городам. Зарабатывал на жизнь извозом. Дом его на 2 этажа. В нижнем этаже сушили хомуты, подстилки и пр. Жилое помещение было только на 2-м этаже. От первой жены, которая умерла, у Ефимки был сын Федор Ефимович. После Ефим женился на второй молодой женщине, работавшей у господ Каменских в прислугах. Она была родом из Ножовки. Она родила ему сына Дмитрия в 1902 году. Звали ее Анастасия Захаровна. Крестными его были сын Федор и Анна Ефимовна Члетькова. Ефим в 1913 году умер от старости, а точнее от воспаления легких. И Анастасия воспитывала Дмитрия одна.

Федору Ефимовичу в то время, когда у отца родился сын Дмитрий, было уже 26 лет, и он жил отдельно рядом с домом Ефима. Жену его звали Анна Петровна. Позже этот дом сожгли на дрова. Он женился и имел трех сыновей: Михаила, Евгения и Андрея. Дмитрий воспитывался вместе с родней. После смерти своего отца он <Федор> выгнал жену Ефима из дому. И сам умер в 1913 году от сердца. Анна Григорьевна Семкова-Васильева вспоминала, что они, отец и сын, «безбожно жили».

Михаил родился 14 сентября 1905 года. Его крестными были крестьянин Молебского завода Дмитрий Иванович Васильев и Анастасия Захаровна Васильева. Евгений родился в 1902 году. Крестными его были крестьянин Евгений Петрович Бобылев и крестьянская жена Парасковья Петровна Блохина.

Видимо в молодости Дмитрий общался с Каменскими, потому что в семье было

фото, где он с Федором Блохиным и Колей Каменским стоят на плотине у «стекла». Коля уже тогда носил очки.

Дмитрий Ефимович был первым комсомольцем, когда он работал в РОНО, то агитировал всех кол-

хозников и жителей строить новую школу в Суксуно, которую¹⁰ остроили в 1936 году. Потом он уехал из Суксуна. Мать свою он позже заберет к себе. Она похоронена в Свердловске-46.

У Васильева была жена Шура. Он с ней где-то познакомился. Шура не жила с ним, поскольку боялась атомного производства, а жила в московской квартире Васильевых. Детей у них не было. Была только приемная дочь из детдома. Чтобы было кому готовить и стирать, Дмитрий Ефимович пригласил к себе вдову погибшего на фронте сына Федора Ефимовича Евгения Федоровича — Анну Григорьевну.

Анна жила бедно и в школе работала техничкой. Та с радостью согласилась. Это было где-то в 1953 году. Он ей платил. Она все для него делала. Опасаясь радиации, он ей наказывал сжигать свои вещи. А ей было жалко. Поэтому в конце жизни она заболела раком. По ее телу пошли красные пятна. Еще при жизни Васильев дал ей денег, и она купила дом в Суксуно по ул. Кирова 85. Этот дом сгорел недавно.

Васильев Д.Е. не жил в г. Челябинске-70, а жил на берегу озера Касли. Там был его дом, а после его смерти Анна жила еще лет 5 в этом доме. А потом они с женой Васильева имущество разделили, и Анна уехала в Суксун.

Анна Григорьевна Семкова была моей сестрой. После того, как моего отца репрессировали в 1937 году, а мать тут же скончалась, она воспитывала меня. Детей у нее не было, т. к. муж Евгений Федорович Васильев погиб на фронте. Когда нас выселили из собственного большого дома на ул. Кирова, мы поселились в нижнем этаже дома Васильевых. Поэтому с детства помню Евгения и его братьев. До войны он был конюшником. Этот дом Дмитрий Ефимович после продал.

Если Евгений погиб на войне, то его брат Михаил был военным, служил в Латвии, умер в Москве. У него была жена и сын Михаил Михайлович с 1930-х годов. Первую жену Александру Любимову он бросил и женился на второй уже с ребенком. Первая жена его жила в Суксуне и после сошлась с Бойко Борисом Осиновичем. Они умерли в старческом доме. Сын Михаила, Михаил Михайлович жил и учился в Челябинске, а потом уехал в Москву.

Андрей Федорович работал в прокуратуре Свердловска и похоронен там. У него остались две дочери.

Дочь Дмитрия Ефимовича после его смерти осталась с матерью в Москве. Анна Григорьевна говорила, что она была

толстая и еврейка. Могила Дмитрия тоже находится в Москве на кладбище. Жена Дмитрия Васильева, я слышал, была инженером из бывших репрессированных. После смерти Васильева она жила где-то в Подмоскovie. Там были их старые дома, она вернула отобранное государством имущество. И все там заново обустроила.

Отца моего звали Григорий Николаевич Семков. Он занимался маслобойным производством. Делал масло из конопля. Этот дом сейчас занимают Баевы, где мы жили. В начале 1930-х годов верх дома у нас отняли под почту. Начальник почты просил ему продать весь дом, говорил, что все равно отца раскулачат.

Но отец жил в нижнем этаже с нами и никуда не собирался уходить. В 1937 году отца забрали и расстреляли. В вину поставили видимо то, что он в 1919 году давал лошадей колчаковцам перевозить оружие и вещи до Новосибирска. Забрали отца ночью. На прощанье он поцеловал меня, и больше я о нем ничего не знаю. Хотя до этого тайно приходили местные комсомольцы и отца предупреждали о начавшихся репрессиях. Но отец только решил продать лошадь и купил клячу. Мать после ареста отца через две недели умерла. Мы остались сиротами.

По данным суксунского ЗАГСа

Васильева Анна Григорьевна, урожденная Семкова, умерла в 1973 г. в возрасте 69 лет от легочно-сердечной недостаточности 3 ст. Проживала по ул. Кирова 85. Работала уборщицей в средней школе.

Васильев Евгений Федорович и Анна Григорьевна Семкова поженились 3 февраля 1925 г. Евгений был с 1902, Анна с 1903 г.

Васильев Михаил Федорович и Любимова Александра Николаевна поженились 21 февраля 1932 г. Васильев был командиром взвода, как указано в графе «род занятий». Александре было 19 лет, Михаил родился в 1906 г.

Письмо Д. Е. Васильева к В. П. Стародумовой в Суксун

Здравствуй, Валя!

Вот ты, черт возьми, наконец-то нашел время написать письмо; ну поверишь ли — минуты нет свободной — прямо запарился, как курица. Ну уж и работаю — по советам. Вот скоро сваю всю работу — будет свободней все же.

Ну как, Валя, живешь? Почему мне не пишешь? (А я с огромным нетерпением жду, знаешь.)

Что нового в вашем «пропадинске»? Уж вот воображаю — черт ее знает. А у нас здесь в Бреховой — беда весело. Свадьбы крестьяне зажаривают чуть не каждый день — прямо диво смотреть, что делается. Крестьяне пьянствуют во всю, пьяных уйма. В общем, Брехово — веселенький уголок, вот именно «веселенький», но как-то мне это веселье не нравится ужасно, и я везде рою и мечу, и решил, что или где-нибудь обозленные местные раб-ки наколотят за то, что я везде положительно сую свой нос и чуть не еженедельно протаскиваю бедняг в стенгазете, или все-таки настою на своем и переверну Брехово во многом, что уже заметно и сейчас.

Здравствуй, Валя!

Вот ты, черт возьми, наконец-то нашел время написать письмо; ну поверишь ли — минуты нет свободной — прямо запарился, как курица. Ну уж и работаю — по советам. Вот скоро сваю всю работу — будет свободней все же.

Ну как, Валя, живешь? Почему мне не пишешь? (А я с огромным нетерпением жду, знаешь.)

Что нового в вашем «пропадинске»? Уж вот воображаю — черт ее знает. А у нас здесь в Бреховой — беда весело. Свадьбы крестьяне зажаривают чуть не каждый день — прямо диво смотреть, что делается. Крестьяне пьянствуют во всю, пьяных уйма. В общем, Брехово — веселенький уголок, вот именно «веселенький», но как-то мне это веселье не нравится ужасно, и я везде рою и мечу, и решил, что или где-нибудь обозленные местные раб-ки наколотят за то, что я везде положительно сую свой нос и чуть не еженедельно протаскиваю бедняг в стенгазете, или все-таки настою на своем и переверну Брехово во многом, что уже заметно и сейчас.

Здравствуй, Валя!

Фу ты, черт возьми, наконец-то нашел время написать письмо; ну поверишь ли — минуты нет свободной — прямо запарился, как курица. Ну уж и работаю — по советам. Вот скоро сваю всю работу — будет свободней все же.

Ну как, Валя, живешь? Почему мне не пишешь? (А я с огромным нетерпением жду, знаешь.)

Что нового в вашем «пропадинске»? Уж вот воображаю — черт ее знает. А у нас здесь в Бреховой — беда весело. Свадьбы крестьяне зажаривают чуть не каждый день — прямо диво смотреть, что делается. Крестьяне пьянствуют во всю, пьяных уйма. В общем, Брехово — веселенький уголок, вот именно «веселенький», но как-то мне это веселье не нравится ужасно, и я везде рою и мечу, и решил, что или где-нибудь обозленные местные раб-ки наколотят за то, что я везде положительно сую свой нос и чуть не еженедельно протаскиваю бедняг в стенгазете, или все-таки настою на своем и переверну Брехово во многом, что уже заметно и сейчас.

Письмо Д. Е. Васильева к В. П. Стародумовой в Суксун

Здравствуй, Валя!

Вот ты, черт возьми, наконец-то нашел время написать письмо; ну поверишь ли — минуты нет свободной — прямо запарился, как курица. Ну уж и работаю — по советам. Вот скоро сваю всю работу — будет свободней все же.

Ну как, Валя, живешь? Почему мне не пишешь? (А я с огромным нетерпением жду, знаешь.)

Что нового в вашем «пропадинске»? Уж вот воображаю — черт ее знает. А у нас здесь в Бреховой — беда весело. Свадьбы крестьяне зажаривают чуть не каждый день — прямо диво смотреть, что делается. Крестьяне пьянствуют во всю, пьяных уйма. В общем, Брехово — веселенький уголок, вот именно «веселенький», но как-то мне это веселье не нравится ужасно, и я везде рою и мечу, и решил, что или где-нибудь обозленные местные раб-ки наколотят за то, что я везде положительно сую свой нос и чуть не еженедельно протаскиваю бедняг в стенгазете, или все-таки настою на своем и переверну Брехово во многом, что уже заметно и сейчас.

Здравствуй, Валя!

Вот ты, черт возьми, наконец-то нашел время написать письмо; ну поверишь ли — минуты нет свободной — прямо запарился, как курица. Ну уж и работаю — по советам. Вот скоро сваю всю работу — будет свободней все же.

Ну как, Валя, живешь? Почему мне не пишешь? (А я с огромным нетерпением жду, знаешь.)

Что нового в вашем «пропадинске»? Уж вот воображаю — черт ее знает. А у нас здесь в Бреховой — беда весело. Свадьбы крестьяне зажаривают чуть не каждый день — прямо диво смотреть, что делается. Крестьяне пьянствуют во всю, пьяных уйма. В общем, Брехово — веселенький уголок, вот именно «веселенький», но как-то мне это веселье не нравится ужасно, и я везде рою и мечу, и решил, что или где-нибудь обозленные местные раб-ки наколотят за то, что я везде положительно сую свой нос и чуть не еженедельно протаскиваю бедняг в стенгазете, или все-таки настою на своем и переверну Брехово во многом, что уже заметно и сейчас.

Здравствуй, Валя!

Фу ты, черт возьми, наконец-то нашел время написать письмо; ну поверишь ли — минуты нет свободной — прямо запарился, как курица. Ну уж и работаю — по советам. Вот скоро сваю всю работу — будет свободней все же.

Ну как, Валя, живешь? Почему мне не пишешь? (А я с огромным нетерпением жду, знаешь.)

Что нового в вашем «пропадинске»? Уж вот воображаю — черт ее знает. А у нас здесь в Бреховой — беда весело. Свадьбы крестьяне зажаривают чуть не каждый день — прямо диво смотреть, что делается. Крестьяне пьянствуют во всю, пьяных уйма. В общем, Брехово — веселенький уголок, вот именно «веселенький», но как-то мне это веселье не нравится ужасно, и я везде рою и мечу, и решил, что или где-нибудь обозленные местные раб-ки наколотят за то, что я везде положительно сую свой нос и чуть не еженедельно протаскиваю бедняг в стенгазете, или все-таки настою на своем и переверну Брехово во многом, что уже заметно и сейчас.

Если говорить о тебе, то я, пожалуй, тебе признаюсь, что в моих мыслях ты занимаешь значительное место и я очень часто думаю о тебе, и что приходится констатировать, так это то, что ты мне нравишься очень даже, как товарищ. (Не думай, что это объяснение в любви — ничего подобного). И я гуляя думаю: «Эх, с каким бы я удовольствием сейчас погулял или с Анькой, или с Валею».

В отношении Т. Ступишиной много говорить почти что не приходится, т. к. я с ней общего имею мало, хотя видаемся очень даже часто, но она всецело занята своим «хахалем», да и я то при всем желании не способен тратить время, чтобы конкурировать и победить «сердечко Танечки», так что к числу поклонников ее меня уж совсем не приписать. Да кроме того, мы с ней довольно часто ругаемся — цапаемся.

Ощущая сильное желание съездить или в Суксун, или в Кунгур, или в Пермь, да куда угодно, лишь бы проветриться. Может быть, если вздумаю, поеду к сестре в Калино (около Лысьвы) в гости на недели 2—3. Ну да это дело будущего.

А вот сегодня суббота — я сходил к себе в читальню, сходил в баню, пришел домой и решил всецело посвятить себя на вечер написанию писем всем друзьям и приятелям.

От Борисовой писем не получал с момента моей поездки в Кунгур. Не знаю, как она живет и т. д., и сам не писал, т. к. слышал, что к ней приезжал муж, а она, пожалуй, с письмом-то моим еще нарвется — нехорошо.

Работаем совместно со Щербининым. Он всего за 3 версты — в Ключах, ничего, парень, кажется, от Суксунского «дурмана» исправился — с этой свалочкой Васяниной все порвал (благодаря моему влиянию, т. к. я как стал здесь служить, так взял его в оборот, и он дал мне честное слово с Васяниной ничего не иметь). И вообрази себе: в один прекрасный момент приезжает к нему в Ключи Васянина, а он с ней ни слова не молвил, так она ни с чем и уехала. Вот, черт возьми, как изменились взгляды у Мишки.

Суксун

Почему, Валя, ты не едешь в гости в Брехово — я удивляюсь; лично я был бы страшно рад этому. Давай, отыщи свободное время и приезжай обязательно.

Получала, нет? ты письма от Аньки, и что она пишет? Как обстоит у тебя дело с переводом? Сегодня переезжали с избой-читальней в другое помещение — большое. Хлопот — полон рот. Знаешь, напиши мне, что ты мне тогда не досказала в Суксуне, обязательно.

Ну, кажется, довольно, будет свободное время — еще напишу. Пиши чаще обязательно. Жду с нетерпением, твой друг и товарищ

Д. Васильев. Брехово. 31.01.1925

Дом на Верхних Глазках (ныне улица Карова), где родился и вырос Д. Е. Васильев

НА УРАЛМАШЕ

Автобиография³

Родился в ноябре 1902 года в Суксунском заводе Пермской области. Отец был почтовым ящиком, одновременно занимался сельским хозяйством.

В 1913 году отец умер. Хозяйство перешло в руки старшего брата, который выгнал мою мать (вместе со мной) из дома как вторую жену отца, не имеющую права на участие в хозяйстве.

Брат умер тоже в 1913 году, хозяйство распалось.

После смерти отца мать работала по найму прачкой, кухаркой и на других поденных работах, а я учился в школе.

В 1918 году поступил работать подручным слесарем в мастерские Суксунского механического завода.

В начале 1919 года, в связи с приходом белых войск в Суксун, я вынужден был уехать из Суксунского завода, т. к. мне угрожали за то, что был тесно связан с членом местного Совета матросом Маношиным П. М., расстрелянным во время кулацкого мятежа летом 1918 года.

В апреле 1919 года я нанялся рабочим-монтером в телеграфную колонну (ремонтная партия почтово-телеграфного ведомства) и уехал из Суксунского завода.

Первое время работали на ремонте телеграфной линии Кунгур—Бирск, с приближением фронта колонну перебросили на ремонт телеграфной линии Петропавловск—Акмолинск, где я работал до конца 1919 года.

В начале 1920 года вернулся в Суксунский завод и продолжал работать монтером, а с 1921 по 1924 год — линейным надсмотрщиком телеграфной линии.

В 1924 году райком комсомола отозвал меня для работы райполитпросветорганизатором Суксунского района. В 1925 году был назначен завполитпросветом Кунгурского округа. В 1928 году назначен зав. окроно Кунгурского окрисполкома, одновременно состоял членом президиума горсовета и окрисполкома.

В связи с ликвидацией округов был переведен в УралОНО, работал ст. инспектором политпросвета, зав. кассовым сектором и зам. зав. обл. ОНО.

В 1931 году поступил учиться в Уральский машиностроительный институт, будучи студентом, одновременно, в течение двух лет, работал секретарем партколлектива института.

В 1933 году меня отозвали от учебы и назначили начальником отдела кадров Уралмашзавода, где работал до июня 1937 года. В связи с окончанием Института по вечернему отделению, в июне перешел работать в цех. Работал зам. начальника сборочного отделения механического цеха № 1 и зам. начальника III участка сборочного цеха. В феврале 1939 года назначен начальником сбытового отдела.

В ноябре 1937 года⁴ первичной организацией был исключен из партии за ошибки, допущенные при работе в отделе кадров. Свердловский горком ВКП(б) решение об исключении отменил, объявив строгий выговор за притупление бдительности.

В партию вступил в 1925 году в Суксунском заводе. Член ВКП(б) с 1927 года.

13 октября 1942 г.
(Васильев Д. Е.)

Характеристика (1943 года)⁵ на Васильева Дмитрия Ефимовича

Тов. Васильев Д. Е., рождения 1902 года, по происхождению из крестьян, член ВКП(б) с 1927 года, имеет высшее техническое образование, в 1936 году окончил Уральский Индустриальный институт им. С. М. Кирова по специальности инженера-механика.

На Уралмашзаводе тов. Васильев работает с 1933 г. на разных должностях: начальник отдела кадров завода 1933—1937 гг., зам. начальника сборочного отделения механического цеха, а затем по реорганизации цеха был назначен начальником участка сборочно-монтажного цеха 1937—1939 гг.

В феврале месяце 1939 г. тов. Васильев назначается начальником отдела заказов, а с октября того же года он переводится начальником планово-производственного отдела завода. За умелую постановку дела тов. Васильев был назначен начальником производства,

а с декабря 1941 г. он переводится заместителем директора по корпусному производству. В июле мес. 1942 г. тов. Васильев был переведен снова начальником производства завода и заместителем главного инженера завода.

За период своей работы тов. Васильев проявил себя как технически грамотный инженер и способный руководитель производства.

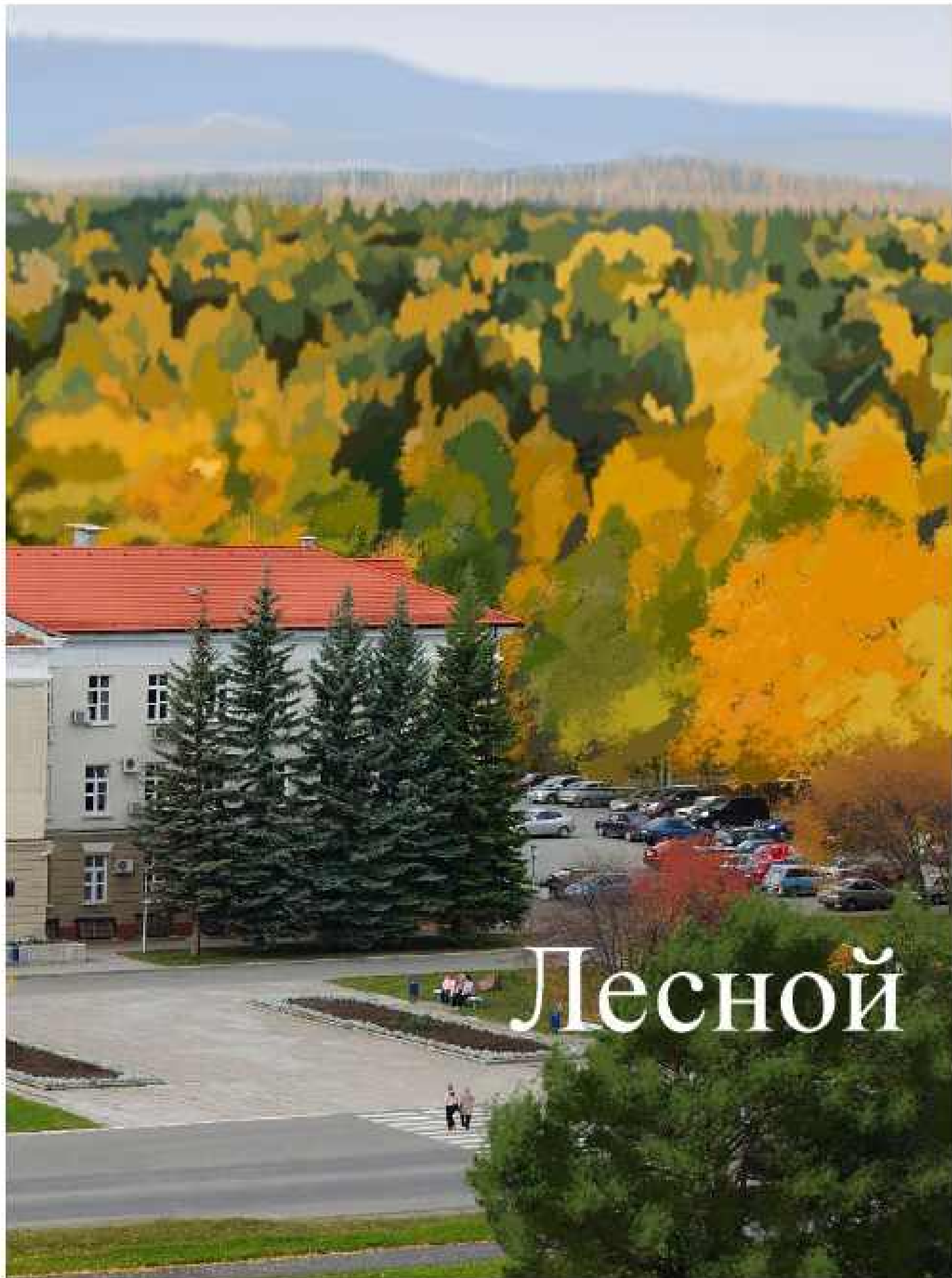
За проявленную инициативу, самоотверженность и умелую организацию производства тов. Васильев в июле 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина, а в январе 1943 г. орденом Трудового Красного Знамени.

В общественно-политической жизни завода тов. Васильев принимает активное участие, выполняя аккуратно все поручения общественных и партийных организаций.

Директор завода Музруков
Парторг ВКП(б) Медведев

Лесной

В связи с ликвидацией округов заведующий окроно Кунгурского окрисполкома Д. Е. Васильев, назначенный на эту должность в 1928 году, переведен в Уралоно, в Свердловск заместителем заведующего отдела народного образования.

В числе первых парттысячников Д. Е. Васильев был направлен на учебу в Уральский машиностроительный институт. Учась на вечернем отделении, он начал работать на Уралмаше. Вершиной карьерного роста здесь для него стала должность заместителя главного инженера.

На уралмашевский период жизни Дмитрия Ефимовича пришлись суровые годы Великой Отечественной войны. О его вкладе в победу свидетельствуют государственные награды: два ордена Ленина (1942, 1944), орден Трудового Красного Знамени (1943), орден Отечественной войны II степени.

С 1945 года Д. Е. Васильев — главный инженер на танковом заводе в Омске, а с 1946 года — директор этого завода. Ему присвоено воинское звание инженера-полковника.

В 1947 году в соответствии со специальным решением правительства, подписанным Сталиным, в составе большой группы руководителей Уралмаша Д. Е. Васильев был направлен на работу в атомную промышленность.

Ему предстояло возглавить строительство нового города Свердловск-45 (ныне г. Лесной) и создание завода «Электрохимприбор», по электромагнитному разделению изотопов урана.

Первая продукция завода «Электрохимприбор» — обогащенный уран — была получена в декабре 1950 года. К началу 1953 года на заводе было выработано необходимое количество изотопов лития для успешного испытания первой в мире водородной бомбы.

*Здание заводоуправления,
построенное в 1955 году*

За выполнение этого правительственного задания Д. Е. Васильев в 1953 году был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР, а в 1954 году награжден третьим орденом Ленина.

Будучи директором комбината в закрытом городе, Д. Е. Васильев занимался всем беспокойным и многоплановым городским хозяйством: строились детские сады, учебные заведения, учреждения здравоохранения и культуры. В период с 1947 по 1952 год он был избран депутатом Верховного Совета РСФСР.

Цех 1

На трибуне справа, в светлом плаще и кепке — Д. Е. Васильев

«ЭЛЕКТРОХИМПРИБОР». НАЧАЛО

Федеральное государственное унитарное предприятие «Комбинат «Электрохимприбор» является одним из ведущих предприятий ядерного оружейного комплекса России и градообразующим предприятием города Лесного Свердловской области. Его главной задачей на современном этапе является производство ядерных боеприпасов для Вооруженных сил Российской Федерации.

Датой основания предприятия считается 19 июня 1947 года, когда И. В. Сталин подписал Постановление Совета Министров СССР (СМ СССР) № 2140-562сс/оп «Вопросы завода № 814»^{*}. 10 июня 1947 года на заседании СК был рассмотрен вопрос «О месте строительства и мощности завода № 814» и утверждено предложение А. П. Завенягина, И. В. Курчатова, Л. А. Арцимовича и А. М. Петросьянца об утверждении для строительства завода № 814 площадки в районе рабочего поселка Нижняя Тура Исковского района Свердловской области. Директором завода был назначен инженер-полковник Дмитрий Ефимович Васильев, занимавший ранее пост директора танкового завода № 173 (г. Омск).

8 октября 1946 года И. В. Сталиным было подписано Постановление СМ СССР № 2274-949сс «О проектировании завода электромагнитной сепарации», в котором было всего два пункта. В первом предписывалось приступить к проектированию завода производительностью 150 г урана-235 в сутки. Во втором — разработать и утвердить проектное задание к 1 января 1947 года. Научным руководителем был утвержден профессор Л. А. Арцимович^{**}.

Объем строительных работ по вводу в эксплуатацию завода № 814 был очень большой, а сроки их выполнения крайне сжаты. Требовалось колоссальное напряжение сил, чтобы уложиться в их жесткий график, при этом совершенно не было времени на формирование коллектива строителей. По этой причине

СМ СССР было принято решение о привлечении к производству основных работ на начальном этапе крупной строительной организации Свердловской области — Тагилстрой НКВД СССР, которая имела большой опыт строительства сложнейших промышленных объектов и высококвалифицированные кадры. В августе 1947 года было создано специальное строительное управление № 1418 и начато строительство завода. Главный корпус — здание цеха 1 — был введен в эксплуатацию в 1951 году. Работа проводилась в крайне тяжелых условиях: одновременно с окончанием строительных работ внутри зданий, а иногда и наряду с ними, по мере возможности проводился и монтаж технологического оборудования.

Для строительства завода по получению изотопов урана-235 электромагнитным методом необходимо было построить мощный магнит — установку СУ-20 (сепарационная установка с 20 разделительными камерами). Работа магнита требовала потребления большого количества электрической энергии. Вблизи завода таких источников не было. В связи с этим СМ СССР принял решение о строительстве Нижнетуринской ГРЭС мощностью 129 тыс. кВт, а 14 ноября 1949 года принял отдельное Постановление № 5201-1989с «О ходе строительства Нижнетуринской ГРЭС».

Установка СУ-20 являлась для своего времени уникальным сплавом достижений теоретических и прикладных наук, инженерного искусства. Чтобы оценить масштаб объекта, достаточно одного примера: основа разделительного комплекса — электромагнит, выполненный в виде тора высотой 21 м, весом в 3100 т, при общем весе установки СУ-20 в 6000 т. Всего на установке СУ-20 было получено свыше 210 изотопов 47 элементов, полностью удовлетворяющих потребности нашей страны и экспортируемых за ее пределы.

Коллективу предприятия при максимальной мобилизации всех сил и средств удалось пустить в эксплуатацию установку СУ-20 в IV квар-

^{*} Атомный проект СССР. Документы и материалы. — Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 3. Москва—Саров, 2002. С. 213–214.

^{**} Там же, — С. 54.

таде 1950 года, а в декабре того же года получить на ней первую партию высокообогащенного урана-235^{*}. Задание правительства по получению компонентов для первых образцов атомного оружия было выполнено.

8 октября 1951 г. начальник ПГУ Б. Л. Ванников направил письмо на имя Л. П. Берии, в котором предложил ликвидировать завод № 814 в связи с тем, что производство по электромагнитному методу разделения изотопов урана и плутония не может быть использовано в промышленных масштабах, так как это связано с неоправданно большими затратами. Согласившись с поступившими предложениями, СМ СССР Распоряжением № 19465-рс/оп от 13 октября 1951 года обязал ПГУ передать мощности цеха по разделению изотопов вновь строящемуся заводу № 418. Инженерно-технические работники, служащие и рабочие завода были переведены на новое предприятие с сохранением должностных окладов, тарифных ставок и льгот. Директором завода № 418 был утвержден Д. Е. Васильев.^{**} Кроме того, в данном Распоряжении руководителям ПГУ была поставлена задача представлять предложения о дальнейшем использовании установки СУ-20.

В записке на имя Л. П. Берии от 2 января 1952 года А. П. Завенягин, Н. И. Павлов и научный руководитель завода Л. А. Арцимович предложили: «В период с января по ноябрь 1952 года использовать установку СУ-20 для выработки легкого полимера магния (изотоп лития)». Специалисты конструкторского бюро завода под руководством А. Ф. Петрусевича разработали технические решения для перевода «источника» и «приемника» на получение нового материала. И уже 19 января 1952 года началась работа с литием, причем лучшие результаты были получены на металлическом литии. Для этого химикам завода пришлось освоить технологию получения металла. Производительность установки СУ-20 по литию

составляла 10–12 кг в год, но задание было перешагнато. Одновременно была освоена технология получения дейтерида лития-6.

В первом полугодии 1953 года было наработано необходимое количество дейтерида лития для первой советской водородной бомбы, которая была успешно испытана 12 августа 1953 года.

За разработку и внедрение в промышленность электромагнитного метода разделения изотопов и получения лития-6 двенадцать специалистов предприятия стали лауреатами Сталинской премии: I степени — Л. А. Арцимович, П. М. Морозов; II степени — Д. Е. Васильев, В. С. Золотарев, А. И. Ильин; III степени — И. А. Агеев, Н. Н. Владимирский, Ю. С. Высоцкая, Н. В. Грижас, К. А. Дворкин, В. И. Невик, А. Ф. Петрусевич, Е. П. Подтычченко, Н. И. Хайдуков.^{***} Многие работники были награждены орденами и медалями.

Работы по разделению изотопов лития электромагнитным методом велись на заводе до 1955 года, затем производство гидрида и дейтерида лития было передано в г. Новосибирск, на Новосибирский завод химических концентратов.

Политическая обстановка вокруг СССР становилась все напряженнее. Единственный в то время серийный завод № 3 (завод «Авангард», г. Арзамас-16, ныне Саров) уже не мог удовлетворить резко возросшую потребность вооруженных сил страны в ядерных боеприпасах.

В 1953 году коллектив завода № 814 приступил к освоению производства ядерных боеприпасов. Для курирования этого нового производства из КВ-11 (г. Арзамас, ныне РФЯЦ — ВНИИЭФ, г. Саров) был переведен Анатолий Яковлевич Мальский, а в 1955 году он стал директором завода «Электрохимприбор», сменив на этом посту Д. Е. Васильева, направленного на строительство НИИ-1011 (г. Челябинск-70, ныне РФЯЦ — ВНИИТФ им. академ. Е. И. Забабахина, г. Снежинск).

Е. В. Кондратьева

^{*} Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. 2. Атомная бомба, 1945–1954. Кн. 7. — Москва—Саров, 2007. С. 659.

^{**} Там же. — С. 320–321.

^{***} Там же. — С. 633–634.

ВОСПОМИНАНИЯ П. Г. ПРОНЯГИНА*

Урал. Июль—ноябрь 1949 года. В короткие сроки в нашей стране были созданы крупные научные центры, экспериментальная база. Теперь нужно было организовать промышленное производство. Общее руководство научными работами и практическими работами было поручено И. В. Курчатову, создание материально-технической базы — ведущим министерствам по специальным заказам, которые исполнялись вне всякой очереди. Координировали деятельность предприятий члены правительства и опытные руководители промышленности. В центральных районах страны, на Украине, Кавказе, в республиках Средней Азии, на Урале и в Сибири развернулось в крупных масштабах капитальное строительство предприятий атомной промышленности. Осуществлялось строительство в основном силами крупнейших строительных организаций МВД СССР, в первую очередь Главпромстроем МВД, который возглавил А. Н. Комаровский, имеющий большой опыт в строительстве и пользующийся большим доверием и в правительстве, и лично у Сталина.

Одним из строящихся предприятий была «База-9». Строительство ее было поручено, согласно Постановлению Совета Министров от 7 августа 1947 года, Главпромстрою МВД СССР, в котором предусматривалось создать самостоятельную строительную организацию.

Строительство «Базы-9» в Нижней Туре было избрано не случайно. Она располагалась в сильно развитом промышленном районе, на существующей железнодорожной линии, при достаточных водных ресурсах, в то же время в отдалении от крупных населенных пун-

тов, что способствовало скрытности работ, при введении соответствующего режима. ...Имелась база для создания крупной строительной организации на основе существующей исправительно-трудовой колонии, располагающей людскими ресурсами и небольшой, на первое время, производственной базой деревопереработки со своими лесосеками. Промколония № 2 МВД СССР стала местом, куда приехала осенью 1947 года группа руководящих работников-строителей во главе с М. А. Зарицким.

Вскоре стали прибывать новые люди, которых направляло МВД СССР, местные партийные и советские организации. Новая стройка стала предметом заботы областного комитета партии, отдела административных органов, который возглавил И. Ф. Осипенко. Этот отдел много сделал и для подбора кадров на «Базу-9» в управлении строительством, и для связи с областными и местными организациями.

...Начало любого нового дела всегда трудно. Трудности в организации нового строительства оказались более сложными, чем можно было предположить. В постановлении правительства срок окончания строительства «Базы-9» был установлен — 1949 год. Крайне сжатый, небывалый срок. Но так диктовала обстановка! Нужно было за два года построить промышленную площадку, смонтировать уникальное оборудование для электромагнитного разделения изотопов, не имеющее образцов, изготавливаемое где-то, не по чертежам, а из рук конструкторов и ученых, и форсировать строительство такого жилого поселка для работников предприятия, чтобы он своими новыми удобствами и условиями жизни мог удовлетворять всем запросам того времени, ибо люди, живущие там, не должны были свободно общаться с внешним миром по условиям режима.

Американцы вели свои работы в условиях строгой секретности и разработали целую систему режимных мер. СССР не мог быть беспечным, и МВД делало все для сохранения секретности производства, которое нужно было создать за два года.

Наступала зима 1947 года. Надо было форсировать подготовительный период, но небыло достаточно материалов, транспорта. Трудно было содержать, кормить людей — не было своей необходимой базы, и приходилось располагать тем, что могли выдать из Центра. Не хватало постельных принадлежностей, кроватей, другой мебели. Вновь прибывшие люди довольствовались деревянными нарами, матрацами с древесной стружкой, одеялами из собственной одежды.

3 декабря 1947 года определилось окончательное место строительства промобъекта — северо-западнее поселка Нижняя Тура, от которого он визуально скрывался окружающими возвышенностями. Определился состав и место производственной базы строительства, подъездные пути и другие коммуникации. Силами уральских стройтрестов строилась Нижнетуринская ГРЭС.

В тяжелую зиму 1947—1948 годов началось строительство лагеря № 6 на две тысячи человек, составом которого одновременно строились заводы по производству бетона, раствора, сборных железобетонных плит, шлакоблоков, механических мастерских, складов, лесопильного завода, стоянки автомобилей и строймашин. Строили из дерева — наиболее доступного на месте материала. Развернулись работы по строительству железнодорожного пути от разъезда «Скальный» с мостом через реку Тура. На промплощадке вырубался лес, рылись первые котлованы под вспомогательные корпуса. Определились контуры будущего жилпоселка.

Первый барак

Место строительства Дома культуры

Дом культуры «Современник» перед сдачей: в нишах еще нет статуи

*Артисты в ДК
«Современник»,
конец 1960-х годов*

*Клуб молодежи,
конец 1960-х годов*

*Молодые инженеры-
химики на демонст-
рации 1 мая 1964 года*

*Д. Е. Вагильев
(слева) и команда
первой легкоатле-
тической эстафеты,
посвященной Дню
Победы, 1951 год*

*Перед началом соревнований
на городском пруду, 1953 год*

Матч на футбольном поле на улице Ленина, 1952 год

...Задачи были тяжелые. Они исходили из потребности, из желания, диктовались планами, но не отражали реальных возможностей. И в первую очередь потому, что в значительной мере отставала подготовка: не были закончены теплосети, водопровод, канализация. По-прежнему не хватало материалов, не выполнялись нормы «зеками».

...Собрали очередное совещание, чтобы обсудить нормы по выполнению социалистических обязательств, принятых в честь 32-й годовщины Октября. Начали с того, что надвигается зима, а дела идут плохо. Зубцов, по его [Д. Е. Васильева] мнению, разваливает участок. Еще, кое-как дышит финский поселок, где надо скорее кончать дома в 55-м квартале и начинать срочно новый, 54-й квартал. На других кварталах дело тоже не движется. Лучше у Паршина. Он сдал первую школу, в ней начались занятия. Проваливает строительство клуба Каменщиков, поэтому оно передается Паршину, а Каменщиков должен навалиться на теплосети, водопровод и канализацию. Еще надо спешить строить бараки в лагере: скоро должен подойти новый этап. Каменщиков должен спешить построить две казармы и два дома во втором жилпоселке, ибо завод строится, и его надо брать под охрану. Скоро придет полк охраны, а размещать его негде...

Вскоре нам добавили еще сотню заключенных, которых отправили строительство новой зоны, оцепив будущие 54-й и 53-й жилые кварталы, где должны были размещаться еще полсотни «финских» домов, которые были уже на подходе, и меня торопили делать фундаменты под них. ...Не прошло недели, как конвойными точками уже бетонировали фундаменты, а вслед за нами началась сборка домов. Мои бригады имели хороший опыт, и на сборку уходило не больше недели.

Поселок рос очень быстро. Бригады маляров раскрашивали дома внутри и снаружи, и они пестрели разноцветьем колеров, выделяясь на фоне зеленой хвои и пожелтевшей листвы...

Паршин сигнализировал на строительство клуба почти весь участок, организовал две смены и заявил, что если все его люди получают зачеты «день за три», то к празднику клуб будет. Захаров и Васильев обещали. Работы Паршин организовал хорошо, и его ставили в пример другим. Каменщиков кричал:

— Нашел кого ставить в пример! Я, майор, должен учиться у заключенного! Пусть мне дадут людей от Паршина, я покажу, как надо работать, не хуже. Паршин, подлец, собрал лучших работников в лагере. А что я сделаю со своими бабами?.. — действительно, у Каменщикова большинство рабочих составляли женщины-заключенные. Они рыли траншеи, копать их приходилось много. Тяжелые глинистые грунты сдерживали темпы, ибо часто попадавшиеся валуны и выходы скалы разбивались вручную или накладными зарядами. Каменщиков отставал, Паршин днем делал плотницкие работы, а вечерами красил, доделывал, убирал мусор. Повсюду, как муравьи, суетились люди. Радовались, что клуб будет построен к праздникам.

...Надвигалась зима. Торопились с прокладкой теплосетей. В конце сентября стало ясно, что все сети в каналы не уложить. Карпман предложил срочно строить деревянные эстакады и по ним класть трубы, подтащить паровоз на стоянку, рядом с будущей бойлерной. В качестве изоляции для труб сооружались деревянные короба и засыпались опилками. К началу ноября стукнули первые морозы. Опасность заморозить поселок стала реальным фактом. Борьба за тепло достигала апогея.

Две недели ушло на перегон паровозов к месту стояния. Две «Щуки» и одна «Овечка» должны были обеспечивать поселок паром. Бойлерная не поспевала, решили отапливаться паром. Вдоль домов с дворовой стороны тянулись короба, в которых под слоем опилок лежали стальные трубы паропроводов.

Две бригады заключенных гнали паровозы со стороны дока. Одна бригада клала звенья рельсов, готовила полотно, а другая по уложенным рельсам, орудуя ломами под колеса, упираясь во что только можно упереться рычагами и ломами, под общую команду толкала паровоз метр за метром.

Сначала один, за ним другой, потом третий. Своим ходом паровозы идти не могли: они были неходовыми. Продвинув паровоз, звенья рельсов сзади разбирали, чтобы укладывать их впереди и принимать на новые десятки метров тяжелую пошу. Из-за отсутствия надежного балласта звенья путей прогибались и перекашивались сверх всяких норм и правил. И люди следили, чтобы паровозы не завалились набок или не «забурились» с путей. Паровозы перегнали!

...Мы очутились на улице. Над нами было звездное небо, под ногами чувствовалась отвердевшая земля.

— Морозит. Так рано морозит. — Каменщиков произносил слова выдохом большой тревоги. Я чувствовал, что он еще не сказал главного, и угадал.

— Если зима будет ранняя, то нам будет конец: замерзнем все. — Он выругался. Я не понял полного смысла сказанного, но грязная ругань Каменщикова подсказала мне, что будет что-то страшное.

... Тридцать вторую годовщину Октября строители встречали в новом клубе. Последние двое суток в нем чистили, красили, ставили мебель, вешали занавес —

спешили и готовились. Деревянный клуб заканчивал свое рождение. Внутри и снаружи, словно муравьи, кишели люди из лагерей — мужского и женского. И среди них то и дело появлялись фигуры бригадиров, десятников. Паршин стоял в окружении своих помощников. Постоянно меняя позицию, он бросал краткие команды, и они тут же выполнялись. Все было подчинено ему. Люди работали, не зная усталости. Каждый должен был получить зачет 1:3, если клуб будет сдан до 5 ноября, о чем знали все работающие: «день за три» или ничего — было в пользу первого счета.

Такая приманка сначала увлекла людей своей ценою, а затем люди забыли о ней и работали ради того, чтобы довести до конца начатое. Им тоже хотелось к празднику сделать подарок — построить клуб. Они знали цену клубу, хотя были «зеками», и каждый имел свои счета с законом, с судьей, с лагерем.

И все же у них оставалось общее, они оставались советскими людьми и понимали, что должны, как и все, что-то сделать нужное, приятное для народа в канун Октября.

Паршин стоял по-наполеоновски, скрестив руки на груди, и смотрел на снующих туда-сюда людей. Вдруг он шагнул в сторону и выхватил за рукав невысокого мужчину, который держал голову вбок, на правую сторону. В руках у него был складной деревянный метр.

— Семяшкин, — процедил Паршин, — я тебе уже дважды говорил, чтобы ты не маячил здесь, а торчал на сцене и смотрел за бригадой Соловья. Они — известные портачи. Какого х... ты здесь жмешься? Марш туда!

Почти незаметным движением Паршин двинул кулаком в скулу десятника — «зека» Семяшкина, тот покачнулся, но

устоял. И, ни слова не говоря, зашагал в сторону сцены, покачиваясь фигурой, все так же кособочась головой. Никто не среагировал на инцидент. Все знали, что с Паршиным шутки плохи, лучше ему не перечить. Постояв немного, Паршин прошел в вестибюль, где встал в угол и продолжал следить, как женская бригада, стоя на деревянных лестницах и легких подмостках, докрашивала экраны перед входом в зрительный зал...

... В вестибюль вошел Васильев, директор «Базы-9», с ним — группа людей. «Зеки» расступились, заметив много гражданских представительных людей. Васильев подошел к Паршину, поздоровался, спросил:

— Как, успете?

— Должны успеть, — был ответ.

— Пожалуй, успете, — подтвердил Васильев и пошел осматривать другие поме-

щения. Обогнул все, тщательно осмотрел и, довольный, сказал своему окружению:

— А вам — сутки на оформление.

было торжественным. За сутки перед торжественным собранием в кресла были посажены триста (и в проходах стояло двести) заключенных мужчин и женщин, участвовавших в строительстве клуба — плотников, штукатуров, маляров, электриков, сантехников и разнорабочих, и им было сказано большое спасибо за предоктябрьский подарок. В лагерях возвращающихся людей встречали с оркестром, их ждали усиленный ужин и обещанные зачеты.

Торжественное собрание открылось бурными, долгими аплодисментами. Аплодировали 32-й годовщине Октября, новому клубу, новой странице в жизни нового поселка, будущего города.

Дом культуры, 2007 год

ЗАПИСКИ ГЛАВНОГО ЭНЕРГЕТИКА (Воспоминания В. Я. Комарова²)

Поскольку объект наш был объектом особой государственной важности, то почти все случаи аварийного останова и ликвидация этих аварий проходили с присутствием работников госбезопасности. Первое время присутствие работников КГБ во время ликвидации аварий нас не только смущало, но и выводило из деловой сосредоточенности, которая необходима при ликвидации аварий. Но потом мы привыкли к их присутствию и мало обращали внимания на них. Справедливости ради необходимо сказать, что они во время ликвидации аварий вели себя тактично, никогда не вмешивались в наши действия, почти не обращались к нам ни с какими вопросами.

...Наряду с вводом в эксплуатацию энергетических объектов подготавливалась и сдавалась в эксплуатацию технологическая группа цехов. Все цеха (за исключением корпуса 3) при пуске и наладке не представляли особой сложности и вводились в эксплуатацию обычным путем. Правда, были и здесь «детские болезни», но их устранение не вызывало больших затруднений.

Корпус 3, или цех 1, как его потом именовали, был уникальный, до предела насыщенный новейшей техникой, автоматикой, электроникой и новейшим оборудованием.

Основной агрегат монтировался из деталей, достигавших веса 55 тонн. Кран же в цехе был смонтирован грузоподъемностью 50 тонн. Для монтажа этих тяжеловесных деталей была создана специальная комиссия из представителей МЭП (Министерство электропромышленности) Владимира Николаевича Парфенова, меня и главного механика Виктора Петровича Тара-

сова. Во время подъема тяжелогазных деталей все несущие металлоконструкции здания потрескивали и вибрировали. Я, откровенно говоря, во время этих подъемов чувствовал себя неуютно (а вдруг лопнет трос?.. Брр...). Деталь поднимали на высоту 26 метров, затем кран с грузом передвигался метров на 30—40 горизонтально, после этого деталь опускали на свое место. Так же себя чувствовал и В. Н. Парфенов. А вот В. П. Тарасов вообще не выдержал такого нервного напряжения и во время первого же подъема из здания сбежал. Как мы с Владимиром Николаевичем не настаивали на его присутствии, как только начинался подъем, он на это время исчезал из цеха.

В 1950 году мы кроме котельной, ГПП-1, кислородной установки и распределительной подстанции приняли в эксплуатацию следующие объекты: бойлерную в городе, береговую насосную станцию, одну нитку водовода, ЛЭП-110 кВ и ряд других объектов.

Много труда, хлопот и беспокойств нам причинял главный водовод. Как выяснилось, для монтажа водовода были использованы дефектные трубы. Как это случилось, мы так и не узнали, но с первых дней эксплуатации трубы стали выходить из строя одна за другой. Ликвидация аварий на водоводе была сопряжена с большими трудностями и нервными переживаниями. В качестве примера приведу один случай.

Это произошло в декабре 1950 года — на водоводе лопнула труба. Водоснабжение объекта прекратилось, котельная прекратила подачу тепла потребителям. Цеха стали замерзать. Своим местом пребывания я выбрал бойлерную, расположенную в городе. Срочно были организованы работы по ликвидации аварии. Сложность работы заключалась в том, что грунт промерз почти на всю глубину, это затрудняло применение техники. Пришлось

применять костры и лопаты. На ликвидации аварии работала бригада землеопов из заключенных. С земляными работами мы справились более или менее быстро. При осмотре трубы оказалось, что она лопнула вдоль оси. Для того, чтобы удалить лопнувшую трубу, нужно было ее разрушить (разбить). Труба чугунная, диаметром 500 мм, резать ее автогеном было невозможно: чугун не режется. Пришлось разбивать вручную кувалдами. Кувалды обычные — на 4 кг. Удары этой кувалдой для такой трубы результатов не давали, после трех часов работы не было обнаружено никаких признаков разрушения.

Вскоре на место аварии приехали директор предприятия Д. Е. Васильев и начальник строительства. Рассказав им о положении дел, я обратился с просьбой, чтобы директор выделил деньги на стимулирование бригады ЗК, а начальника строительства — разрешить «простимулировать» бригаду заключенных (они были в его ведении). Получив согласие, я отправился в один из магазинов и взял необходимое количество «стимуляторов» — водки, колбасы и хлеба. Привез все это к месту аварии, позвал бригадира. «Стимуляторы» находились в картонной коробке. Показав бригадире содержание коробки, я сказал ему: «Все это поступит в ваше распоряжение, если к 18.00 авария будет ликвидирована». Бригадир посмотрел в коробку и сказал: «Будет сделано, гражданин начальник».

Что было после этого — трудно описать. Откуда-то появилась кувалда весом не менее 10 кг. Бригадир стал обращаться к своим членам бригады таким ласковым голосом, что я просто открыл рот. Например: «Петя, помоги, пожалуйста, Коле. Видишь, ему одному трудно». «Петя» вздрогнул и бросился в траншею, схватил кувалду и начал ею работать —

да как! Убедившись, что мое присутствие здесь больше не нужно, я поехал в бойлерную.

Как я уже сказал, во время этой аварии котельная прекратила подачу тепла потребителям. По распоряжению директора в каждом цехе дежурили или начальник цеха, или его заместители. Они обязаны были сообщать мне примерно через час о температуре в цехах (это было очень важно по технологии). Вначале, когда температура понижалась незначительно, я бодро говорил:

— Пока изменений нет, ждите.

А потом, когда температура в цехах опустилась до $+5^{\circ}\text{C}$, мне от каждого звонка становилось жутковато. Особенно меня допекал начальник цеха 2 В. П. Корольков, у которого в случае понижения температуры до 0°C нужно было сливать воду из технологического оборудования. В один из последних звонков он сообщил: «Температура $+2^{\circ}\text{C}$. Что делать?» Я долго думал и ответил: «Жди еще 45 минут». Он сказал: «Гут», — и повесил трубку. С этого момента время почему-то так быстро летело, что я был готов остановить часы. Но это делу не помогло бы. Прошло 35, потом 40 минут, я боялся звонка, и телефон беспощадно зазвонил. Не знаю, какое у меня в это время было выражение лица, надо полагать, страшное. Мобилизуя волю, я взял трубку и слышу: «Василий Яковлевич, аварию ликвидировали, включили насосы. Принимайте воду».

До меня не сразу дошел смысл этого сообщения. Минут через пять позвонил В. П. Корольков. Я ему радостно сообщил, что авария ликвидирована, тепло даем, и спросил, как у него дела. Он ответил: «Все в порядке, $+8^{\circ}\text{C}$. Я немного перестраховался».

А я-то переживал! После этого случая у меня появились седые волосы.

ЗАПИСКИ В. Г. ЮГОВА²

(Отрывки)

...Дни за три до Нового года (не помню, какого) и получил задание срочно сдать разбивку ограждения площадки № 1, обязательно этим годом. На месте площадки был сплошной некрупный сосновый лес. Разбивку сдал геодезисту В. А. Яковлеву уже в темноте 31 декабря: ему тоже было дано указание принять разбивку этим же годом.

Самая большая спешка была при разбивке объектов 51-го квартала (летом, год не помню). Вызвали к директору, у него был главный инженер ГСПИ-11 полковник Страдонов. Васильев сказал:

— У Страдонова получишь данные для разбивки, работать — не считаясь со временем, солдат дадут сколько надо, они уже там живут в палатках. Тебя будут увозить прямо из дома туда, а вечером привозить обратно.

Там, на месте будущей промплощадки, лес был крупный, густой, хвойный, а на поселке — смешанный, с полянами. На берегу реки Черная стоял дом лесника Чучелимова, у него уже жили геологи из Московской проектной конторы, начальником у них был Максимов. Они буквально шли за мной следом, и только я забивал углы здания, они тут же ставили солдат копать шурфы, брали пробы грунта для заложения фундамента. Почти каждый день приезжал

Страдонов и главный инженер строительства Ревский. И все — давай, давай, давай!..

Разбивку я сдал геодезисту УС майору Я. И. Посконину. От директора получил благодарность и премию. Это был не наш заказ, и я там больше не был, даже не знаю, как выглядят разбитые мной здания.

Когда Васильев уезжал на другой объект, он пригласил всех «ветеранов» в столовую на 35-м квартале. Мы были уже с женами. Произносились тосты, речи, потом — песни и пляски, и когда начальник ОРСа Никонов, с фигурой Тараса Бульбы, как шар, пошел вприсядку, Васильев обратился ко всем с ответным словом: «Благодаря вашей самоотверженной работе, в нелегких условиях построено...» и т. д.; ему ответили, что это все — под его умелым руководством. На это Васильев рассказал такую байку:

— Есть у меня товарищ, тоже директор. Я его спросил, может ли он работать, если выпьет стакан коньяка? Он ответил: могу. — А если два? — Нет, могу только руководить!..

Здание столовой на 35-м квартале

Улица Сталина (ныне Коммунистический проспект)

Здание института

Здание АТС в лесах

Новая гостиница

Первые финские домики

Первый этап

Здание терапевтического отделения, 1953 год

Лыжная база

ТАК НАЧИНАЛИ.

(Воспоминания Н. А. Кащеева)

Строительство нашего завода — электромагнитной разделительной установки СУ-20 (сепаратор урана 20-камерный) — началось на полях Нижней Туры летом 1947 года. Научным руководителем проекта был назначен член-корреспондент Академии наук Лев Андреевич Арицмович, а первым директором — Дмитрий Ефимович Васильев. Перед заводом была поставлена задача — накопить необходимое для первого атомного заряда количество урана-235 к середине 1951 года. Параллельно с нашим предприятием в г. Свердловск-44 строился завод по разделению урана газодиффузионным методом.

Август 1949 года. Я и мои сверстники, окончившие техникумы, прибыли в Москву, в загадочную организацию под названием «ЛИПАН». С любопытством осматриваем огромные металлические камеры с установленными на передней стенке незнакомыми приборами, пульты управления с множеством кнопок и приборов, мощные выключатели, переплетение проводов и кабелей, вслушиваемся в жужжание двигателей, скрежет затворов, наблюдаем мигание сигнальных ламп и тиратронов.

Для ознакомления с оборудованием и его работой вскоре была организована учеба, которая сразу же показала, что мы почти ничего не знаем о том деле, к которому приставлены. Учились все, и чаще всего друг у друга. Так, например, вчерашний преподаватель по радиотехнике сегодня сидел вместе со всеми и слушал лекцию по новообразованию и фокусировке ионных пучков в магнитном поле. И так изо дня в день: работа и учеба.

Однажды, это было осенью 1949 года, я увидел, что прикомандированные спе-

циалисты торопятся в направлении дальнего угла рабочего зала. Вглянувшись в том направлении и подойдя ближе, я увидел группу людей, в центре которой стоял высокий, крепкий мужчина и что-то рассказывал окружающим. Со многими он здоровался за руку и с широкой улыбкой внимательно всматривался в лицо. Это был директор нашего завода Дмитрий Ефимович Васильев. Нас интересовало все: где строится завод, есть ли жилье, скоро ли придется покинуть Москву. Отвечая на вопросы, Д. Е. Васильев медленно продвигался по залу к выходу, увлекая за собой окружающих его людей.

К весне 1950 года он стал приезжать чаще, посещая не только ЛИПАН, но и другие предприятия, где проходили стажировку работники строящегося завода.

И вот август 1950 года. Мы наконец прибыли на место работы. В наш «город» народ прибывал целыми партиями. Города, в прямом смысле этого слова, еще не было. Со стороны холма, где сейчас размещен ресторан и пожарная, просматривалась недостроенная улица Ленина, правее — финский поселок, бараки заключенных, а еще правее — труба котельной и серая громада первого цеха.

Нас поместили в общежитии. Несмотря на наплыв людей, быстро оформили документы, выдали кирзовые сапоги и отправили на электромонтаж электрооборудования цеха. Чувствовалось, что дело находилось в крепких руках, и специалисты сразу же принимались за дело. Основной заботой директора было выполнить монтаж, наладку и пуск оборудования в заданные сроки.

Из поселка на площадку ходил маленький автобус (других в то время в стране вообще не было). Утром он постоянно наталкивался на колонны заключенных и пытался обогнать их, что часто приводило к конф-

ликам с охраной и нашим опозданиям на работу. Рассказывали, как однажды, после перебранки с назойливым шофером, конвой развернулся и ткнул штыком винтовки в радиатор упиравшегося в его спину автобуса. Струя воды из радиатора заставила свернуть на обочину и отправить пассажиров пешком. Часто по разным причинам работникам приходилось добираться до работы — два километра — пешком.

Времени до планового пуска цеха оставалось мало. Цех 1 (тогда корпус 3) имел магнит, стены, крышу. На нижних этажах еще не было межэтажных перекрытий. В цехе трудились монтажники, наладчики, строители (солдаты, заключенные). И вся эта разнокалиберная масса людей находилась под четким контролем директора.

Вспоминается такой случай. Шла наладка оборудования. Третий этаж (отделение), на котором я работал наладчиком, готовился к пуску. Были скомплектованы бригады сменных операторов, электриков, вакуумщиков. Персонал стал выходить по сменам, но делать было нечего, поскольку этаж еще не был принят.

И вот — ночная смена. Я как мастер по электрооборудованию сначала занимался с электромонтерами изучением схем и правил по технике безопасности. Часам к шести, уйдя в комнату на перерыв, задремал вместе с начальником смены. Скрипнула дверь. В комнату впрорхнул сотрудник первого отдела, а потом появился директор. Мы, приняв стойку смиренно, молчали. Занеся наши фамилии в записную книжку, проверяющие удалились. По всем этажам спящих набралось человек пятнадцать.

На другой день нарушители были приглашены в «красный уголок» и выстроены в одну шеренгу. Директор ходил вдоль шеренги и выслушивал оправдания. Подой-

ди к моему начальнику, спросил: «Кто вы?», а после ответа снова спросил:

— Что окончили?

— УПИ.

И тут директор вскипел:

— Я тоже окончил УПИ, и мне стыдно, что я учился в одном институте с нарушителем трудовой дисциплины. Разве там нас учили спать на рабочем месте?

Мой начальник молчал. Взглянув на меня, спросил:

— А вы кто?

— Мастер.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

Махнув рукой, директор прошел дальше.

«Правеж» был крепкий, но удивительно, что после этой проработки ни у кого не осталось обиды, хотя она запомнилась на всю жизнь.

После окончания работ по разделению изотопов урана мой первый начальник уехал из города на другое предприятие.

К концу 1950 года завод выдал первую продукцию. Но к середине 1951-го директора ждало новое испытание. Разделение изотопов урана было передано газодиффузионному заводу в Свердловск-44. Остановка производства привела к разрушению уже сложившейся структуры и к отъезду персонала на другие предприятия. Исчезли начальники, разрушились бригады. В этих условиях можно было опустить руки.

Но через несколько месяцев научный руководитель Л. А. Арцимович и директор Д. Е. Васильев практически спасли завод. Оценив ситуацию и произведя необходимые расчеты, они предложили использовать установку СУ-2 для разделения изотопов лития.

И снова — монтаж, наладка и пуск оборудования. Новый набор и обучение персонала. Людей не хватало. По принципу:

Галерея сборки узлов 10 и 11 — источника и приемника изотопов

Вакуумное отделение

Измерение вакуума в объемах установки СУ-20

«Пролетарий, на коня!» — за пультом работали рабочие, техники, инженеры, научные работники. Посадили за пульт и меня.

Производство изотопов литья давалось с трудом. На порядок возросли мощности. Не выдерживало оборудование. От перегрева плавилась оптика источников, горели предохранители, закипала вода в трубках охлаждения, нарушался вакуум. Директор лично делал обходы участков. Его можно было встретить в цехе в любое время, без сопровождения.

В трудные дни освоения он собирал весь персонал смен и выслушивал доклады руководства. Понимая, что начальник смены мог приукрасить результаты или объяснить свою неудачу ошибками других, директор внимательно прислушивался к замечаниям рабочих и сразу же принимал меры.

К началу 1953 года процесс разделения изотопов литья стабилизировался. С целью удешевления производства было организовано соревнование за обслуживание двух пультов одним оператором. Впоследствии на двухпультное обслуживание перешел весь цех. Для этого приборы с одного пульта дублировались на соседнем.

Мне запомнилось посещение цеха директором в одну из ночей осени 1953 года. Первый этаж. Время около 5 часов. Я возился с настройкой одного из источников. Из глубины монтажной площадки послышались осторожные шаги. Это был директор. Подойдя, поздоровался. Посмотрев на приборы, спросил:

— Как дела?

— Да вот прибор напризничает, а в целом неплохо.

Полистал технологический журнал, удовлетворенно произнес:

— Хорошо.

Спросил, давно ли я работаю оператором, учусь ли?

В приподнятом настроении Васильев пошел к оператору, работающему с другой стороны. Конечно, одному ему удалось пройти площадки не далее второго этажа. Предупрежденные операторами, по дороге к нему подключались начальник смены, технолог, рабочие. К пятому этажу люди, используя визит директора, пытались решить не только производственные, но и личные вопросы.

Визит директора не всегда оканчивался благополучно для нас. В случае обнаружения крупных недоработок срочно собиралось совещание с участием технологов, работников лабораторий, конструкторов. Возникали споры. Чаще всего они происходили между химиками и физиками. Начальник спецхимлаборатории К. А. Дворкин, меняя очки с близи на даль, тыкал пальцем в написанную на доске формулу и обвинял физиков в безграмотности. Его удары обычно отражал научный руководитель П. М. Морозов.

Директор внимательно слушал, не вмешиваясь в перебранки, но твердо и настойчиво не давал отклоняться от темы. Часто совещания заканчивались, казалось бы, безрезультатно, но тема жила, будоражила умы сотрудников, и решение в конце концов находилось.

Жена Дмитрия Ефимовича, Александра Аркадьевна, тоже работала в первом цехе. Она занималась статистическим анализом производства. Помню, как Александра Аркадьевна ежедневно обходила пульты и подробно заносила в свой рабочий журнал записи операторов. Со многими операторами она была в хороших отношениях и не упускала случая поинтересоваться житейскими проблемами. Правда, это не мешало ей ругать

С женой Александрой Аркадьевной

С мамой и женой

Дочь Долорес Дмитриевна

нерадивых операторов за грязь в журналах. Ее побаивались, но уважали.

Дмитрий Ефимович Васильев всегда был в гуще народа. Например, ветераны до сих пор помнят новогодний вечер 1953 года с участием директора. Он от души весе-

БЫЛ ЭТОЙ СИЛЫ ЧАСТИЦА

(Воспоминания В. М. Катаева¹⁰)

В лице Д. Е. Васильева мы все чувствовали опытного руководителя и умелого учителя. Он был очень прост в общении, внимательный к людям. При встрече, в любом разговоре умел расположить к себе собеседника. Он всегда уделял большое внимание работе с кадрами, считал это непременным условием успеха.

Дмитрий Ефимович был очень требовательным к себе человеком. И также строго спрашивал с подчиненных. Я видел его распорядок дня. Распорядок этот был всегда жесткий и четкий. Как правило, к его приходу на работу секретарь выкладывала на стол стопку карточек, в которых указывалось, кто и какие

лился вместе со всеми. Многих Дмитрий Ефимович знал лично, активно принимал участие в их судьбе. Ветеран комбината В. П. Куликов рассказывал в своих воспоминаниях, как в трудные периоды он занимал у директора деньги.

Деловой и организаторский опыт Д. Е. Васильева был настолько богат, что ему доверили организацию в Челябинске-70 научно-исследовательского института технической физики — второго разработчика отечественного ядерного оружия. В состав института входило много кандидатов, докторов наук и даже академики. Только человек с большими деловыми качествами мог возглавить такой коллектив.

С его отъездом закончилась первая эпоха в жизни нашего города и завода. Эпоха героическая и неповторимая. Кроме разделения изотопов стабильных элементов, завод расширился и перешел на выпуск оборонной техники.

должен выполнить на этот день документы и приказы. В календаре он всегда записывал в какие дни какой цех посетить. Особенно часто в ночные смены он посещал цеха 1 и 3. Дмитрий Ефимович знал по имени и отчеству не только начальников смен, мастеров, но и многих рабочих.

О стиле работы Д. Е. Васильева можно было бы написать многое. Этот стиль выработывался годами, начиная с комсомольской работы 1920-х годов. Его чуткость и внимательность возвышали его как руководителя в глазах подчиненных, укрепляли его авторитет.

Приведу один случай, свидетелем которого я был. Однажды утром, собираясь ехать на работу, он заметил сотрудницу управления, которая шла, сильно при-

храмывая на ногу, опираясь на палку. Он приказал шоферу повернуть машину, догнал ее, выяснив почему она не вызвала машину «Скорой помощи», усадил ее и отвез в поликлинику, по дороге посадил еще одного рабочего, еле шагавшего тоже в поликлинику. Когда Дмитрий Ефимович приехал на работу, первым делом вызвал начальника МСЧ, сделал ему замечание и тут же распорядился выделить легковую машину в распоряжение МСЧ до получения второй машины «Скорой помощи».

За допущенные проступки Дмитрий Ефимович мог прочитать мораль в повышенном тоне, но при этом никогда не оскорблял виновного и не унижал его человеческих достоинств.

Запомнилось и то, что Васильев никогда не обещал своим подчиненным того, что не мог выполнить. В частности, никогда не создавал иллюзий по такому сложному вопросу, как жилье, у тех, кто приезжал на объект. И вот как-то на одном из совещаний был поднят вопрос, что, мол, людей завозите, а жильем обеспечить их не можете. Я выступил, сказал, что трудности с жильем были и еще будут, и не потому что ничего не делается — трудности эти вытекают из быстрого роста производства. Потом встал Дмитрий Ефимович, согласился со сказанным и заверил, что бараков больше строиться не будет, что руководство примет меры, чтоб выбраться как можно скорее из этих трудностей, и добавил с улыбкой:

— Вы, наверное, знаете сказку о двух лягушках, первая из которых была абсолютно не инициативная, не боролась никогда в кажущихся ей безвыходными ситуациях, а вторая была боевая, инициативная. Обе упали в кринку со сметаной и долго бились, пытались выпрыгнуть из нее. Первая лягушка, выбившись из

сил, легла на дно кринки и погибла, а вторая продолжала биться. И что вы думаете, она сметану сбила в комок, села на него и выпрыгнула! Вот так и мы должны справиться со всеми трудностями и решить жилищную проблему.

Вскоре после этого совещания вопрос о строительстве жилья был пересмотрен. После этого у нас в городе отказались от строительства деревянных домов и перешли к строительству шлакоблочных. Жилищная проблема была решена.

ОН ВЕРИЛ В НАС

(Воспоминания В. П. Куликова¹¹)

Первая встреча с Д. Е. Васильевым у Владимира Петровича Куликова произошла осенью 1949 года. Шестнадцатилетние выпускники ремесленных училищ и школ ФЗО приехали работать в строящийся город.

Их поселили в бараках, которые заключенные возвели прямо при парнях. В шестом располагалась столовая, в седьмом жил Владимир Петрович, в восьмом — другие выпускники. В шестом бараке был и отдел кадров. Бараки сколотили из щитов и набили опилом. Спустя какое-то время опил стал оседать, и появились щели. Было очень холодно. И хотя печки топились торфом, тепла от него было мало — торф горел плохо. С продуктами и одеждой приходилось тоже нелегко. Столовая открывалась поздно, поэтому на работу ребята шли голодными.

Завода еще не было. Трудились в то время на строительстве и земляных работах. За опоздание или прогул судил спецсуд «тройка» — действовал указ Сталина.

Однажды, в канун 7 ноября, Владимир с ребятами возвращался с работы.

В «красном уголке» висело объявление: «Сегодня состоится встреча с руководством завода». На это собрание пришли почти все. Также присутствовали на нем директор завода Д. Е. Васильев, начальник политотдела А. П. Мальцев и зам. директора по общим вопросам Машко. Дмитрий Ефимович говорил о тяжелом послевоенном положении в стране, о том, что скоро все изменится и станет лучше.

— Какие у вас будут вопросы, предложения, просьбы? — после разговора спросил Васильев.

Ребята хотели, чтобы в бараке организовали буфет и чтобы он работал и утром и вечером. А также просили поставить титан, чтобы в умывальниках постоянно была горячая вода. Хотелось и тепла, поэтому парни попросили топить печку не торфом, а углем. И еще было одно пожелание — чтобы чаще возили в баню (своей в то время ребята не имели и мылись в бане в Нижней Туре).

— Еще вопросы есть? — опять спросил Васильев.

— Да, — сказал Владимир. — Дмитрий Ефимович, одолжите, пожалуйста, нам денег. Скоро праздник, а у нас их нет.

— Сколько вам нужно? — поинтересовался Васильев.

— Рублей пятьдесят... — робко ответил Владимир. И Дмитрий Ефимович дал ребятам эти деньги, чтобы они смогли отметить праздник. При этом он порекомендовал Машко все предложения и просьбы молодежи выполнить в самые короткие сроки, а А. П. Мальцеву взять это дело под контроль, зарплату к празднику выдать и впредь больше не задерживать... Это была первая встреча Владимира Петровича с Д. Е. Васильевым.

Вторая произошла в сам праздник 7 ноября. Там, где сейчас в нашем городе находится сквер Гагарина, в 1949 году была

небольшая площадь. Неподалеку располагался деревянный двухэтажный дом — первое заводоуправление. С балкона этого здания Д. Е. Васильев и А. П. Мальцев произносили речи в честь праздника. Демонстрации не было, только митинг. И вот Владимиру Петровичу пришлось присутствовать на этом митинге. Нужно было обязательно вернуть директору завода долг.

По окончании митинга Владимир дождался, когда все начальство выйдет из заводоуправления. С трудом пересилив себя, он подошел к Васильеву. Дмитрий Ефимович не то в шутку, не то на полном серьезе сказал А. П. Мальцеву: «Есть еще на свете честные люди. С такими товарищами мы справимся с правительственным заданием. Я верю в них». Васильев поздравил Владимира с праздником и спросил, выполняются ли просьбы ребят.

С такой заинтересованностью и беспокойством переживал за них, молодых шестнадцатилетних парней, первый директор комбината.

Третья встреча Владимира Петровича с Васильевым произошла уже в 1950 году. Тогда в трудовой книжке В. П. Куликова была сделана следующая запись: «1950 г. 20 июля. Слесарь». Именно слесарем Владимир Петрович был направлен в первый цех завода, начальником которого был Н. Н. Владимирский. В цехе — первая электровакуумная группа. Ее начальник А. А. Соловьев, инженеры-техники Б. Ащепков и И. Журавлев; слесари В. Шамрай, И. Петунин и В. Куликов; электрик В. Емелин. На пятом этаже здания была установлена одна камера. Ее и приводили в порядок первые труженики завода. Работали они не со спиртом, а с эфиром, от которого постоянно хотелось спать. Но электровакуумщиком Владимиру Петровичу пришлось быть недолго.

Еще в ремесленном училище Владимир поработал крановщиком. Однажды он об этом как-то обмолвился; вскоре к себе Куликова вызвал начальник цеха Н. Н. Владимирский и сказал: «У меня к вам просьба. У нас сейчас остро стоит вопрос с крановщиками, и мы бы хотели, чтобы вы занимались этой работой». Владимира Петровича удивила вежливость начальника первого цеха, и он дал свое согласие. Всего неделя стажировки — и Владимир сдает экзамен на допуск работе на кране.

В статье «Первый и первые» написано, что бригадой механиков руководил М. С. Андриевский.

— Насколько я помню, — говорит Владимир Петрович, — первым механиком был Р. И. Тинт. Работникам группы механика Тинта приходилось обслуживать три крана: центральный пятидесятитонный и два десятитонных в северном и южном залах. Там монтировались генераторы постоянного тока. Работали вдвоем: Владимир Куликов и Вячеслав Можаров.

И вот в цех подошла очередная платформа с камерой. Ее нужно было выгрузить. И Владимир Петрович пошел на кран. В это время на пятом этаже стояла большая группа начальства, среди которого присутствовал и Васильев. Дмитрий Ефимович, увидев «старого знакомого» Владимира, остановил его и стал расспрашивать, как идут дела:

— Зарплату вовремя выдают? Как вообще работаете? Были ли в отпуске?

— Мы работаем нормально. Зарплату выдают всегда в срок. В отпуске еще не был. Родителей у меня нет. Я воспитанник детского дома, поэтому ехать некуда.

Дмитрий Ефимович делал какие-то записи в своем блокноте. А Владимирский с удивлением смотрел на разговаривающих.

Приезд первых строителей

— Николай Николаевич, не удивляйтесь. Это мой старый знакомый, — сказал ему Васильев.

— А не хотите ли поехать в Москву? — продолжал расспрашивать Владимира Дмитрий Ефимович. Владимирский подозрительно посмотрел на Васильева.

— Да, да, именно в Москву, — повторил директор завода. — Нам нужно готовить кадры для второго и третьего цехов.

— Хотелось бы, — ответил Владимир Петрович, — но нужно кому-то работать и здесь.

— Другого ответа я от вас и не ждал. Но вам нужно работать. До свидания. Надеюсь, мы еще с Вами встретимся.

Это была третья встреча Владимира Петровича с Васильевым.

Вскоре в цех пришли девчата-крановщицы Тася Смолина и Сима Гафарова. Работать стало легче. В декабре 1950 года Владимир Куликов ушел в отпуск. Тогда профсоюзных организаций еще не было. Все формальности выполнял Н. Н. Владимирский. Он-то и дал Владимиру Петровичу бесплатную путевку на 24 дня в Кауровский дом отдыха в Пермской области. Скорей всего, как считает сам В. П. Куликов, тут дело не обошлось без Дмитрия Ефимовича...

В 1951 году начался выпуск продукции, ради которой и строился комбинат «Электрохимприбор». В цехе 1 с пятого на третий этаж спускали приемник с веществом. Около тельфера, который должен был доставить вещество в третий цех, собрались работники завода с академиком Л. А. Арцимовичем. Подошло и руководство. Со стороны, где стоял Владимир Петро-

вич, собрались только те, кто должен обслуживать тельфер. Васильев со всеми поздоровался. В. П. Куликову он пожал руку. А затем сказал:

— Запомните этот момент. Он войдет в историю завода «Электрохимприбор»...

Это была четвертая и последняя личная встреча Владимира Петровича Куликова с первым директором комбината.

Стол Д. Е. Васильева в экспозиции «История города» в Музейно-выставочном комплексе городского округа «Город Лесной»

ВОСПОМИНАНИЯ Л. Н. ЛЕВАНОВОЙ¹²

Молодую семью по путевке Свердловского обкома партии направили в Свердловск-45, который еще не был городом и состоял из бараков, до которых добирались по колено в грязи. Тысячи заключенных строили завод и будущий город. Лия с мужем получили комнату одиннадцати метров в финском доме. Домики эти считались временным жильем и были без отопления и безо всякой воды. Только в 1955 году семья получила благоустроенную квартиру. А в пятидесятом году ничего словно и не было вообще. Заводоуправление располагалось в большом двухэтажном деревянном здании. Находилось оно в городе. Завод еще не работал, цеха только строили заключенные.

Лия Николаевна стала работать техником-хронометристом в отделе труда и заработной платы, возглавлял который В. А. Шипулин. Шипулиных Лия уже знала — Виктор Александрович с женой Анастасией Степановной ехали с ними из Тагилы в одном вагоне. С Анастасией Степановной ее не раз еще сведет судьба. Лия с удовольствием будет показывать подписи Анастасии Степановны на документах, подтверждающих высокий профессионализм Левановой.

У Шипулина Лия Николаевна проработала год, контактировала с начальниками цехов, знала всех инженеров-экономистов, и не мудрено — почти все работники будущего комбината были тогда сосредоточены в заводоуправлении, жили в небольших комнатах по шесть и восемь человек. Почти все они были специалистами из Москвы, после ЛИПАНа (Лаборатория измерительных приборов Академии наук).

С отчетами Лия Николаевна ходила к самому Дмитрию Ефимовичу Васильеву — первому директору предприятия. Он нравился, пожалуй, всем женщинам. Они находили его неповторимым и очень интересным, от него всегда пахло духами. Он был высок, обаятелен и весьма обходителен. Когда он входил, Лия терялась.

Секретарем его была Адель Максимовна Зайкова. Она имела высшее образование, замуж не выходила; в дальнейшем работала в институте и всю жизнь посвятила учебе и работе. Однажды она сказала Лии, когда та принесла очередные отчеты: «Лия Николаевна, я вот поеду в отпуск, а вы вместо меня поработаете». Но Лия не придавала этому значения.

Через некоторое время ее вдруг вызвал сам Дмитрий Ефимович. «Не напоролась ли я в отчете?...» — с ужасом думала Лия. Васильев усадил ее в красное кожаное кресло, сам сел в другое — напротив:

— Надо поработать, Лия. У вас получится.

Лия думала об одном: только бы не расплакаться в кабинете. Совсем недавно у нее родился сын. Грудной ребенок требовал ухода и всем понятных забот, и все это казалось Лии несовместимым с ответственной работой технического секретаря директора. Лия отказывалась: детских садов и исель еще не существовало, холодный финский домик, промерзающий насквозь, ломота в руках после утреннего полоскания пеленок в ледяной проруби, растопка печи, режим кормления, который приходилось выдерживать — об этом не принято было говорить, все подчинялось только работе. Компромиссов не существовало. Дмитрий Ефимович понимал, как трудно сейчас Лие. Он и сам жил с женой, Александрой Аркадьевной, «на финском поселке» с приемной дочерью Долли (Долорес).

— Мы вам поможем. Будете пользоваться директорской машиной в часы кормления. Решайтесь.

Но Лия никак не могла согласиться. Из кабинета вышла в тревоге и смятении. В тот же день от переживания пропало в груди молоко.

Времена были безжалостными. На следующий день Лию Николаевну ознакомили с приказом, и она приступила к работе в новой должности. Из Вологды приехала тетя — нянчиться с малышом.

Лие было только 24 года. У нее был крошечный сын и ответственная работа, на которой еще всему предстояло научиться. Лия легко собрала совещание в первый же день работы, благо, будучи хронометристом, познакомилась со всеми начальниками цехов. До начала совещания Васильев показал на аппарат ВЧ:

— Все, что там будет, запишите.

Нужно было срочно учиться печатать на машинке и стенографировать. В кабинете стояла чехословацкая «Оптимал». Лия вставала в пять утра и шла на работу, чтобы самостоятельно освоить искусство машинописи. Неделью спустя Васильев ее хвалил — такими очевидными были успехи. Чем дальше, тем больше восхищался директор новым секретарем. Лия обладала исключительной памятью и редким трудолюбием. Дмитрий Ефимович, очаровательный, интеллигентный, умел, не повышая голоса, подчинить делу все, что его окружало. Его присутствие воодушевляло, хотелось сделать все возможное и даже невозможное. Лия Николаевна, с ее кипучей энергией, молодостью и желанием работать, была наконец на том месте, где все ее способности оказались востребованными. Когда из Ленинграда приехал А. И. Ильин, Лия Николаевна подобрала для него литературу — 300 книг по технологии производства. Ильин нашел под-

борку профессиональной. Дальнейшая совместная работа (а было время, когда Лия Николаевна была секретарем сразу у троих — Васильева, Ильина и академика Арцимовича) была непростой.

Слаженно работали. — говорит Лия Николаевна. — По трое суток не выходили, дню и ночью, вот как работали. Бывало, утром прихожу, а Ильин — за рабочим столом и удивленно так: «Уже утро?»

В 1953 году в Свердловск-45 приехал Берия. Лия узнала об этом накануне и всю ночь не спала: Лаврентий Павлович был лидером весьма почитаемым. У Лии на стене висел его портрет. Подчас мудрые глаза давали силы жить — они выражали совесть эпохи, с ними было легче принять правильное решение, ошибаться было нельзя.

Берия приехал под чужой фамилией, в обстановке строжайшей секретности. Лия знала о планируемом приезде из ВЧ-граммы. Посвященных было очень немного — боялись шпионов.

Его встречали на ГРЭС, куда он прибыл своим вагоном, окруженный многочисленной свитой. Лия Николаевна вспоминает: Когда зашли в приемную, он так впечатлился... Я узнала его сразу, по портрету. Он был высокий, в пальто с широкими плечами, мода на такие плечи только-только возникала. Пальто было коричневое, в полоску трех тонов, коричневая фетровая шляпа и золотое пенсне. Он поздоровался и прошел в кабинет директора, за ним следовала свита — нескончаемо. Идут и идут... После совещания он уехал и нигде больше не был.

Лев Андреевич Арцимович был невысокий, коренастый и рыжий. Он обладал замечательным умом, за который ему платили оклад 25 тысяч. Три адъютанта-полковника верно ему служили, меняя обязанности: пока один отдыхал, второй готовил обед, а третий «выкладывался» на работе.

Потом они менялись. Лев Андреевич говаривал: «Вот такая моя жизнь, все под пистолетом, даже любовницу не завести», — и смеялся собственной шутке... После девяти месяцев работы в Свердловске-45 Арцимович уехал в Красноярск-26.

В этот период обустройства объекта, который люди, движимые желанием построить новый город, склонны оценивать как «гимн труду», не все было безоблачно. Однажды «перестарался» первый отдел. Это случилось еще до приезда Берии. Лия Николаевна вела журнал — на миллиметровке, более метра шириной, с грифом секретности «Особой важности». Александра Аркадьевна, жена Дмитрия Ефимовича, приносила Лии данные по ЦЗЛ, а с пульта первого цеха поступали данные, по которым Лия Николаевна делала диаграммы для оперативки. Журнал убирала в сейф, когда уходила из кабинета.

Однажды двум работникам первого отдела не понравилась одна из ситуаций в кабинете: они возникли неожиданно и так трактовали ситуацию по-своему:

— Обозреваете совершенно секретные результаты?!

Лию тотчас вызвали в первый отдел, закрыли двери на ключ и начали «прорабатывать». Лия не помнила, как дошла до приемной. Александра Аркадьевна, которая как раз принесла ей данные для журнала, ахнула:

— Что-то с сыном, с мужем?.. — Лия не могла говорить, Александра Аркадьевна обняла ее...

«Шпиономаны» из первого отдела подготовили материалы, связанные с «утечкой информации», подготовили приказ и передали все директору. Дмитрий Ефимович пригласил Лию Николаевну в кабинет, порвал при них приказ и выбросил в урну. Потом твердо сказал:

Первое здание управления

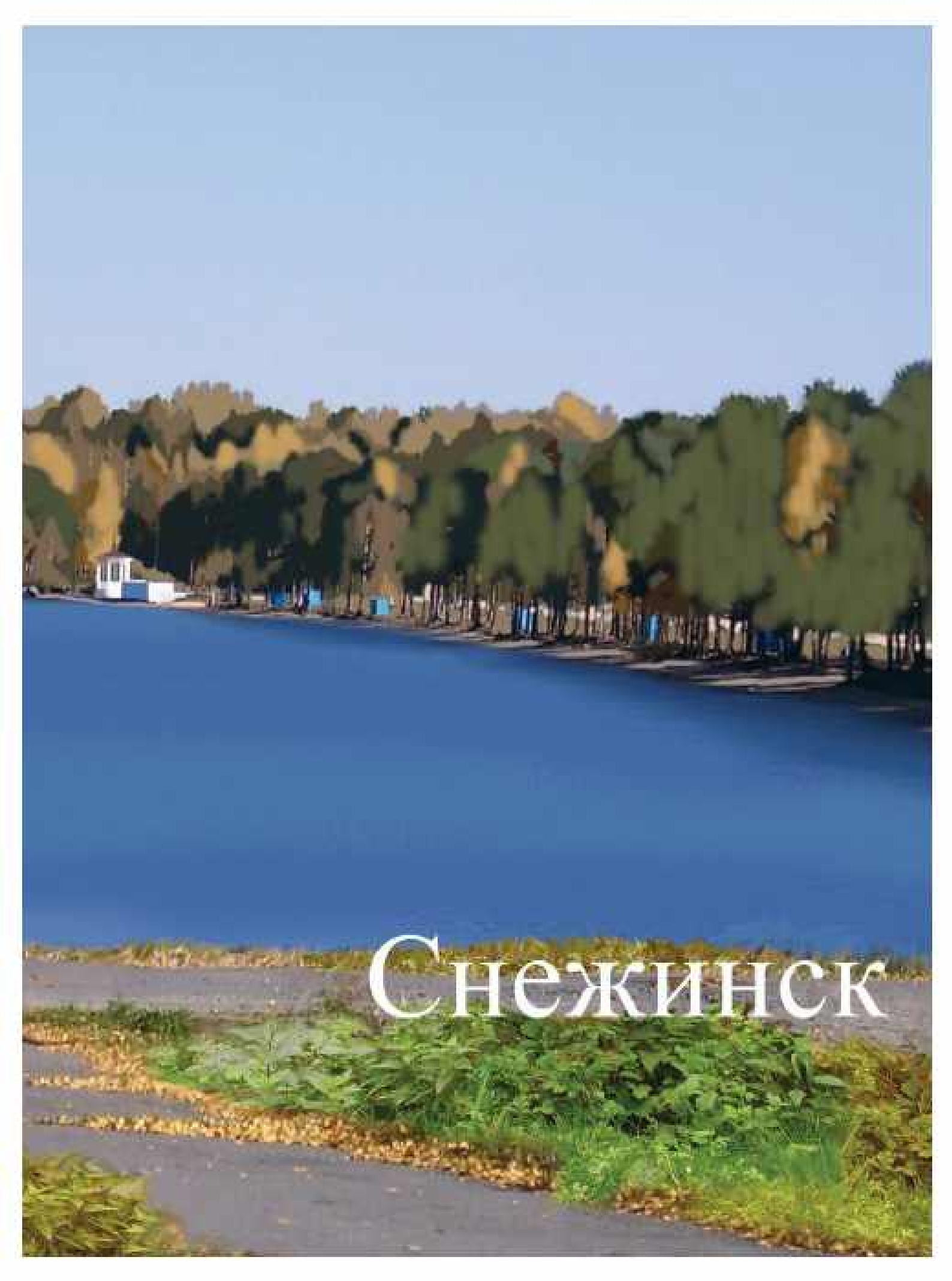
— Если такое повторится, я вас обоих уволью. Лии Николаевне я доверяю больше, чем вам.

Он сумел ее защитить на все последующие годы совместной работы. Более нападок на нее не было.

Потом Дмитрий Ефимович уехал в Челябинск-70, — вспоминает Лия Николаевна, — наладил производство здесь, а потом был послан туда. Снова — с нуля. Огромный труд, нечеловеческий. Два инфаркта перенес. Потом уж, после большой работы там, во время своего нездоровья, не смог не поздравить женщин с праздником. Сел за руль своей машины и всего двести метров не доехал до Дома культуры — сердце отказало, руки так и остались на руле. Я знала о нем — переговаривалась с его секретарем по ВЧ. Делегация от нашего комбината ездил на его похороны.

Когда после перевода Васильева в Челябинск-70 появился Мальский, я не знала, как мы сработаемся. Он приехал в военной форме, в папахе, с размаху открыл дверь — хозяином положения. После интеллигентного, очаровательного Васильева он производил совсем иное впечатление, но был человеком требовательным и незлопамятным. Работали мы с ним уважительно и слаженно...

Снежинск

Высшее руководство страны уже знало Д. Е. Васильева как опытного организатора и руководителя производства, поэтому в 1955 году он был назначен директором института по разработке ядерных боеприпасов НИИ-1011 (ныне РФЯЦ — ВНИИТФ им. академ. Е. И. Забабахина), который только предстояло построить. Суксунский паренек, сын ямщика, оказался на передовом рубеже важнейшего для страны дела — укрепления ее обороноспособности.

И вновь всё пришлось начинать с нуля. Закрытый город Челябинск-70 (ныне Снежинск) стал новым местом его кипучей работы.

Множество самых разнообразных задач пришлось решать Дмитрию Ефимовичу в первые годы строительства и организации института. Его можно было увидеть на всех стройплощадках промышленной и городской зоны на берегу озера Синара. Приходилось утрясать все неурядицы, часто разъезжать, где-то что-то добывать и пробивать, заниматься кадровыми и бытовыми вопросами.

Для Васильева не было второстепенных дел. Среди первых приказов по предприятию есть приказы об организации телефонной связи, об упорядочении работы бани, об охране ценных пород рыб на озерах Иткуль и Синара, о мерах по сохранению леса на стройплощадках.

Свою административную и производственную деятельность Дмитрий Ефимович постоянно сочетал с большой общественной и политической работой. Во всей его многогранной деятельности поражала широта взглядов и государственный подход к решению вопросов — больших и малых.

К сожалению, 8 марта 1961 года жизнь Д. Е. Васильева оборвалась. Большие перегрузки сказались на работе сердца. Это был второй инфаркт. В тот день ди-

ректор объезжал все городские организации, поздравляя женщин, и умер за рулем автомобиля.

Проводить в последний путь уважаемого человека и первого директора института пришли тысячи горожан. Трудно было поверить, что такое количество людей живет в еще молодом городе.

Все, знавшие Дмитрия Ефимовича, с уважением и теплотой хранят яркие впечатления о его деятельности и добрую память о большом человеке с горчим сердцем. Имя Д. Е. Васильева навсегда останется в истории Снежинска, в истории России.

*7 ноября 1957 года на улице
40 лет Октября — первой улице города*

7 ноября 1956 года, поселок Сокол

1 мая 1956 года, поселок Сокол

НАЧАЛО.

В. И. Жучихин
(Из истории ВНИИТФ
и города Снежинска)^{1,2}

*Светлой памяти
первого директора
Дмитрия Ефимовича Васильева
посвящается*

1. Истоки

На мой взгляд, днем рождения нашего института — ВНИИТФ — следует считать 6 июня 1955 года, когда начальником 5-го ГУ Министерства среднего машиностроения были подписаны два приказа об утверждении структуры подразделений института и о переводе конструкторов, инженерно-технических работников, рабочих основных экспериментальных производств и вспомогательных служб из КБ-11 во вновь создаваемый институт-дублер.

А начиналось все это таким образом.

В июле месяце 1954 года в КБ-11 из Москвы прибыла высокая комиссия, возглавляемая заместителем председателя Совета Министров Вячеславом Александровичем Малышевым, в которую входили И. В. Курчатов, А. П. Завенягин, Б. Л. Ванников и Н. И. Павлов. Одной из задач этой комиссии являлось обсуждение результатов испытания первой водородной бомбы, проведенного на Семипалатинском полигоне 12 августа 1953 года, и рассмотрение проекта совершенствования конструкции водородной бомбы, позволяющей значительно повысить энергию взрыва и КПД использования термоядерного горючего. В этом совещании приняли участие руководители КБ-11 и ведущие научные работники: Ю. Б. Харитон, К. И. Щёлкин, В. К. Боблев, А. С. Александров, Я. Б. Зельдович, Д. А. Франк-Каменецкий, А. Д. Сахаров, Е. И. Забабахин, Е. А. Негин, А. Д. Захаренков. Был приглашен и я как доклад-

чик по результатам наблюдений последствий взрыва первой водородной бомбы на опытном поле полигона, где мне было поручено в составе государственной комиссии в начале мая 1954 года изучить обстановку на месте взрыва.

После обсуждения вышеперечисленных вопросов и принятия соответствующих решений пошел разговор о создании объекта-дублера, подобного КБ-11.

В. А. Малышев сообщил, что по этому поводу в конце июня 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров. Во исполнение этого постановления данному совещанию предстоит обсудить организационные вопросы и выработать предложения, касающиеся кадров, материальной базы, основного направления тематики объекта-дублера и места его расположения.

Что касается первых руководящих лиц объекта-дублера — нового научно-исследовательского института, то в качестве научного руководителя и главного конструктора Игорь Васильевич Курчатов предложил кандидатуру Кирилла Ивановича Щёлкина, показавшего себя способным организатором научно-исследовательских и конструкторских коллективов для решения сложных и объемных задач, высоко эрудированным экспериментатором и конструктором. Кроме того, на данном этапе работ Харитону и Щёлкину стало тесно.

На должность директора вновь создаваемого института Борис Львович Ванников предложил Дмитрия Ефимовича Васильева, сказав, что знает его еще по работе на «Уралмаше», затем на авиационном заводе (кажется, в Омске) и как директора выстроенного на пустом месте и успешно функционирующего серийного завода на Урале (Свердловск-45). Замена Д. Е. Васильеву на посту директора есть —

На рекогносцировке места будущего Снежинска

это Анатолий Яковлевич Мальский, главный инженер, который почти всю войну был директором боеприпасного завода в Чапаевске, затем директором завода № 2 в КБ-11, потом директором первого серийного завода № 3, и всюду он зарекомендовал себя руководителем производства высокого уровня.

А. Я. Мальского я знал с апреля 1947 года, трижды с ним участвовал в испытаниях на Семипалатинском полигоне, но вот фамилию Д. Е. Васильева слышал впервые.

Затем разговор пошел о месте размещения нового объекта. Поскольку в задачу его деятельности будет входить разработка более крупных по мощности и габаритам зарядов, то разместить его надо где-то в глухом, удаленном на приличные расстояния от больших населенных пунктов регионе и непременно за Уралом.

Просматривались регионы в Новосибирской и Томской областях, в Красноярском крае. Но все эти варианты отклонялись то из-за того, что там уже строились объекты нашего министерства, то из-за того, что потребуются слишком большие затраты материальные и, главное, временные на обустройство коммуникаций.

В конце концов все единогласно согласилось с предложением А. П. Завенягина: строить объект на Урале между крупными промышленными городами Свердловском и Челябинском. Эти два города соединены между собой железной и шоссейной дорогами. Правда, автомобильная дорога плохого качества, но ее уже начали реконструировать. В эти транспортные магистрали можно «врезаться» без больших затрат. Кроме того, близость химического комбината «Маяк» позволит оперативно решать вопросы

Вид на город с самолета, 1961 год

изготовления экспериментальных узлов термоядерных устройств из специальных материалов. И, наконец, наличие, хотя и небольшой, но действующей лабораторной базы с необходимым жилым фондом и инфраструктурой в укромном уголке уральской глубинки, на Сунгуле, дает возможность использовать эту стартовую позицию не только для развертывания строительства, но и для начала работ некоторых подразделений по основной тематике. Действующая там в настоящее время радиологическая лаборатория с небольшим количеством сотрудников может быть переведена в другое место.

После довольно бурных дебатов все присутствующие на совещании единогласно согласились и с предложением кандидатур на руководящие должности, и с районом дислокации объекта.

Пока эти предложения будут докладываться и утверждаться в ЦК КПСС и Совмине СССР, Н. И. Павлову, К. И. Щёл-

кину, Ю. Б. Харитону, А. С. Александрову и Д. Е. Васильеву, которого следует срочно вызвать в КБ-11, совещание поручает разработать предложения по структуре института-дублера, по количеству откомандировываемых из КБ-11 сотрудников всех необходимых уровней и специальностей научно-исследовательских лабораторий, конструкторских отделов и заводов № 1 и 2, организовать рекогносцировочную комиссию совместно с представителем «Ленгипростроя» для выбора и обследования местности, выработки предложений по привязке объектов института и жилого городка к местности и составления ТЗ на проектирование.

Для разработки предложений по всему комплексу вопросов была создана рабочая группа во главе с К. И. Щёлкиным и Д. Е. Васильевым, в которую вошли: А. Д. Захаренков, Г. П. Ломинский, Е. А. Негин, С. Н. Матвеев и В. Ю. Гаврилов.

В период с сентября по декабрь 1954 года этой группой была произведена рекогносцировка местности, выработаны предложения по привязке объектов института и жилого городка на местности, разработано предложение по структуре института и предложения по руководящим кадрам подразделений института.

В работе этой группы принимала участие и группа проектировщиков «Ленгипрострой» во главе с главным инженером проекта Макаром Ивановичем Пищеровым.

После рекогносцировочного обследования местности этим же составом рабочих групп были рассмотрены и согласованы проектные задания на проектирование объектов института, производственной базы, жилого поселка (города) с его инфраструктурой.

В начале апреля 1955 года приказом министра был официально утвержден руководящий состав объекта-дублера — НИИ-1011:

— директор НИИ-1011 — Васильев Дмитрий Ефимович;

— заместитель директора по общим вопросам — Ломинский Георгий Павлович;

— заместитель директора по капитальному строительству — Каргин Константин Александрович;

— заместитель директора по кадрам — Рыгин Борис Дмитриевич;

— заместитель директора по режиму — Тренёв Владимир Петрович;

— заместитель директора по ОРСу — Голиков Евгений Мефодьевич;

— главный бухгалтер — Зырянов Семен Алексеевич;

— научный руководитель и главный конструктор — Щёлкин Кирилл Иванович;

— заместитель по конструкторской части — Гречишников Владимир Федорович;

— заместитель по теоретической газодинамике и физике — Забабахин Евгений Иванович;

— заместитель по экспериментальной газодинамике — Цырков Георгий Александрович;

— заместитель по экспериментальной физике — Гаврилов Виктор Юлианович;

— начальник строительства объектов института и города Иванов Николай Маркелович;

— начальник политотдела НИИ — Ногов Василий Акимович;

— начальник отдела милиции — Мясников Андрей Александрович.

При определении состава команды научного руководителя возникли некоторые трения, заключавшиеся в том, что на должность заместителя научного руководителя по теоретической газодинамике и физике претендовал Евгений Аркадьевич Негин, который немало приложил усилий при разработке структуры института и первичных организационных документов. Е. И. Забабахин в этих начинаниях не принимал никакого участия, но все же, неизвестно по чьей инициативе, был утвержден в должности заместителя научного руководителя. Даже при таком исходе дела Е. А. Негин был согласен на должность начальника теоретического газодинамического сектора, лишь бы перейти из КБ-11 в НИИ-1011. Но тут переводу в НИИ-1011 сразу двух зарекомендовавших себя ведущих теоретиков воспротивился Ю. Б. Харитон. К. И. Щёлкину было высказано предложение выбрать из двух претендентов одного — или Е. И. Забабахина, или Е. А. Негина. Как происходила процедура разрешения спора — неизвестно, но закончилась она тем, что Е. И. Забабахин стал заместителем К. И. Щёлкина, а Е. А. Негин — заместителем Ю. Б. Харитона.

Итак, некоторые руководители теперешнего ВНИИТФ считают датой рождения объекта-дублера 5 апреля 1955 года, т. е. дату подписания приказа о назначении руководящего состава.

Думаю, все же правильным считать днем рождения 6 июня 1955 г., когда были подписаны последние два приказа: первый — определяющий структуру института и утверждающий руководство подразделениями; второй — определяющий списочный состав сотрудников КБ-11, переводимый в штат НИИ-1011.

Таким образом, институт с того момента состоял из девяти научно-исследовательских, конструкторских и испытательских секторов, входящих в подчинение научному руководителю и главному конструктору, и двух опытных производств, входящих в подчинение непосредственно директору института:

сектор 1 — теоретических физических исследований, начальник Ю. А. Романов;

сектор 2 — теоретических газодинамических исследований, начальник Е. И. Забабахин;

сектор 3 — математический, начальник Н. Н. Яненко;

сектор 4 — экспериментальных газодинамических исследований, начальник А. Д. Захаренков;

сектор 5 — экспериментальных физических исследований, начальник В. Ю. Гаврилов;

сектор 6 — конструкторский ядерные заряды), начальник П. А. Есин;

сектор 7 — конструкторский боевые части ракет и авиабомбы), начальник И. В. Богословский;

сектор 8 — конструкторский (приборы автоматики управления ядерных зарядов, устанавливаемых в БЧ), начальник В. К. Лилъе;

сектор 9 — испытательский (боевые характеристики БЧ и АБ и приборов автоматического подрыва ЯЗ), начальник Л. Ф. Клопов;

первое производство — изготовление и сборка механических узлов ЯЗ, БЧ и АБ, приборов автоматики, технологического оборудования, начальник П. Ф. Чистяков;

второе производство — изготовление и сборка узлов ЯЗ из ВВ, начальник Н. А. Смирнов.

Укомплектованные согласно приказам сектора 1, 2, 3 и 5 и первое производство, а также дирекция института и руководство строительством в августе 1955 года обосновались на освободившихся от занимаемых ранее радиологической лабораторией производственных и жилых площадях площадки № 21 «Сунгуль» и приступили без капитальной подготовки к выполнению возложенных на них министерством задач.

Коллективы секторов 4, 6, 7, 8 и 9 и коллектив второго производства оперативно включились в решение поставленных перед ними задач, используя материальную базу и производственные мощности КБ-11, а также кооперацию с машиностроительными заводами различных ведомств на Урале, в Горьковской области и других регионах страны.

II. Рождение

Строительство объектов производственной базы, города с его инфраструктурой, котельной, складских помещений для ОРСа и т. п. было начато с прокладки железнодорожных подъездных путей и межплощадочных и внутренних шоссейных дорог с бетонным покрытием.

Опыт строительства объектов в КБ-11 в условиях бездорожья показал какими потерями оборачивается экономия на доро-

гах, считавшихся недалёковидными стратегиями объектами не первой необходимости. Дмитрий Ефимович считал надёжные дороги между площадками и внутри их одним из основных критериев быстрого возведения сооружений производственного и социального назначения со значительной экономией средств и, главное, времени — ничем не восполняемого богатства.

Однако и здесь сработал наш социалистический принцип: «хотели как лучше, получилось как всегда». То ли из-за недоработки проекта, то ли из-за безалаберного и безответственного руководства строительными работами какими-то чиновниками, прекрасно сработанные дороги с бетонным покрытием начали уродоваться прокладчиками тепловых трасс, которые, выполнив свои работы, кое-как заделывали разрушенные бетонные покрытия, засыпав свои огрехи грунтом, чтобы транспорт хоть как-то мог проезжать эти изуродованные места. Затем то же самое делали прокладчики канализационных коммуникаций, за ними водоснабженцы, связисты и, в последнюю очередь, газовики.

В конце концов, когда заканчивалось строительство жилого дома в городе или производственного здания на заводской территории, дороги к ним приходили в безобразное состояние. Тогда же возникал у всех вопрос: неужели нельзя было до укладки на дорогах бетонного покрытия проложить хотя бы отрезки всех коммуникаций, пересекающих дороги? Но ответа на такой недоуменный вопрос тогда ни у кого не находили, да и сейчас не найдешь.

Бетонные дороги как между площадками, так и внутри них были далеки по качеству исполнения от скоростных магистралей. Они имели скромный вид, но

Здание управления

Бульвар Свердлова, 1963 год

Строительство ДЗ «Октябрь»

обеспечивали в любую погоду и в любое время года надежное двухстороннее одно-рядное движение автотранспорта любой грузоподъемности.

В конце 1950-х годов по всей стране прокатился клич «великого реформатора» Никиты Хрущёва экономить во всем, особенно на строительстве. Докатился этот клич и до нас. Главный инженер проекта Макар Иванович Пицеров основную экономию решил осуществить на межплощадочных дорогах, которые еще не успели к этому времени достроить, путем уменьшения ширины бетонного покрытия в два раза (к счастью отсыпка дорог была завершена под нормальную ширину бетонного покрытия), т. е. он предложил проезжую часть дорог сделать пригодной лишь для одностороннего движения. Было исключено строительство дороги от станции «Сортировочная» до площадки 21 с твердым покрытием и до автодороги Тюбук—Касли. Также было исключено из титула проекта строительство третьего этажа для бытовок строящихся цехов и др.

Строительство производственных зданий и жилого комплекса осуществлялось одновременно в глухом уголке уральской тайги на большом удалении от каких-либо мало-мальски значимых промышленных или сельскохозяйственных обжитых центров.

С одной стороны, хорошо было то, что не нужно приспособливать старое производство к новым технологическим процессам, не нужно реконструировать жилые сооружения, строящиеся для иного назначения, как это было в КВ-11 (Арзамас-16). С другой стороны, отсутствие единой первоначальной базы создавало трудности коллективу института в решении основной задачи.

Как бы то ни было, но в конце 1957 года было начато обживание трех жилых до-

мов в городе по улице 40 лет Октября, инструментального цеха и здания, предназначенного для теоретических и математического секторов на площадке 9.

В декабре 1957 года перебазировалась на постоянное место жительства и работы первая группа конструкторов сектора 6 во главе с его начальником П. А. Есиным.

В марте 1958 года перебазировалась основная часть сотрудников сектора 4 во главе с его начальником А. Д. Захаренковым.

К осени 1958 года на Урал перебазировался весь личный состав института и его опытных производств 1 и 2. При этом имели место потери специалистов, правда в весьма незначительных количествах, никак не повлиявшие на дееспособность всего коллектива института.

Из руководящего состава лишь двое под довольно смешными предложениями не пожелали ехать на Урал — это начальник сектора 7 И. В. Богословский и начальник сектора 8 В. К. Лилье. Вместо Урала они перебазировались в Москву: первый осел в ГУОК, второй — в НИИАА. С ними были еще пять—шесть человек из инженерно-технического персонала, некоторые из которых, используя обстановку всеобщего переселения, укатили в Москву и Ленинград, а часть из них осталась на месте первоначальной дислокации и вернулись в КВ-11.

Таким образом, к концу сентября 1958 года весь личный состав института обосновался на уральской земле. Теперь уже работа по основной тематике института пошла более продуктивно, хотя неоконченное строительство производственной базы создавало еще солидные трудности.

Успешному решению всех проблем, возникавших при строительстве производственной базы института и города с его инфраструктурой, при создании социальной базы, при организации коллек-

тива на высокое выполнение сложнейших задач большой государственной важности, при подборе и обучении кадров, мы обязаны первым нашим руководителям — Дмитрию Ефимовичу Васильеву и Кириллу Ивановичу Щёлкину.

Эти два прекрасных человека, очень удачно дополнявшие один другого, были не только превосходными организаторами, они были душевными людьми, постоянно заботившимися о своих подчиненных, создавая им самые благоприятные условия на рабочих местах и в быту, делая тем самым очень тяжелый, изнурительный и весьма опасный труд радостным, приносящим большое моральное удовлетворение.

Основными же направлениями деятельности этих двух уникальнейших руководителей были:

первого — строительство производственной базы и города с его инфраструктурой, организация снабжения населения продуктами питания и всеми необходимыми товарами, организация работы дошкольных и учебных учреждений, обеспечение населения транспортом и правопорядка, организация коммунальных услуг и т. п.;

второго — организация масштабных теоретических и экспериментальных исследований по тематике института, руководство конструкторскими разработками, организация разработки и совершенствования методов исследований и приборного оснащения, организация изготовления опытных образцов техники, ее заводских и полигонных испытаний и т. п.

О строительстве производственной базы, о становлении и совершенствовании теоретического и экспериментального потенциала института, о развитии материальной базы, об организации работы вспомогательных служб, о персона-

*Д. Е. Васильев, К. И. Щёлкин,
1 мая 1960 года*

чальных успехах деятельности института написано достаточно много, поэтому повторяться в данных рассказах нет особой нужды. Имеет смысл рассказать о забытых и никем не вспоминаемых «мелочах», имевших место как при строительстве нашего замечательного города, так и при развертывании научно-исследовательских работ в институте, и о роли в этих начинаниях нашего первого директора Дмитрия Ефимовича Васильева.

Все эти «мелочи» были направлены на создание самых благоприятных и комфортных условий труда, проживания и отдыха трудящихся основных и вспомогательных служб института и жителей преклонного возраста, потрудившихся на своем веку сверх меры в полном сознании необходимости и полезности своего труда и, наконец, пребывающих на заслуженном отдыхе.

Итак, речь пойдет о рождении и первых годах существования нашего города.

Для обеспечения ускоренных темпов строительства жилых зданий в городе была впервые в нашем министерстве применена технология возведения несущих конструкций из крупных железобетонных блоков, изготавливаемых в цеховых условиях завода.

Бульвар Циолковского, 1959 год

С целью уменьшения стоимости квадратного метра жилой площади и создания полных комфортных условий для проживания выбрана безлифтовая конструкция жилых домов в четырехэтажном исполнении с потолками высотой около 3-х метров и площадью жилых комнат 20 и 14 кв. метров. Квартиры — одно-, двух-, трех- и четырехкомнатные.

Таковыми домами были обустроены полностью второй квартал, первый квартал по ул. Лешина и 40 лет Октября, третий квартал по бульвару Циолковского, четвертый и пятый кварталы по ул. Мира (переименованной впоследствии в ул. Васильева) от управления института до ул. Дзержинского.

Затем кампания экономии средств захватила и жилищное строительство. Вдохновитель и проводник этой кампании — главный инженер проекта М. И. Пищеров, преодолевая препятствия со стороны Д. Е. Васильева, добился согласия министра на замену нормальных жилых домов на малогабаритные, названные в честь

идеолога движения за «экономию» «хрущёвками». Мало того, в целях «экономии» средств на коммуникациях внесено изменение в проект, предусматривающее «посадку» внутри кварталов, в которых предполагалось сохранить естественный лесной массив, по четыре «хрущёвки».

Дмитрий Ефимович со всей категоричностью восстал против такой экономии на комфортности проживания будущих поселенцев этих кварталов. Но что стоит комфортность людей проектировщикам: им здесь не жить. Поэтому эти нововведения в проект они предложили на согласование министру Е. П. Славскому, который не вникая в суть — утвердил. И с того момента пошло строительство «хрущёвок» и вдоль улиц, и внутри кварталов.

Спустя какое-то время Е. П. Славский, при посещении института и осмотре строительных площадок в городе, страшно обругал проектировщиков, «натяжавших» дома внутри кварталов и создавших обстановку для людей, подобную каменным джунглям.

Бульвар Циолковского, 2012 год

— Что вам мало места, чтобы лепить дома друг на друга?

В ответ Макар Пицеров показал ему проект с его же утверждающей подписью. На что Е. П. Славский ответил:

— На бумаге — все хорошо, а на деле-то посмотри. Ну кому такая теснота понадобилась? Экономия на коммуникациях? А чем обернется эта экономия? А улицы? На бумаге они выглядят красиво, а посмотри в натуре — на что все это похоже? Что здесь возводится? Подobie Тегерана или Стамбула, или город коммунистического быта? Ну для чего было делать их такими узкими? Разве мало места?

— Требования СНИП, — отвечал Макар Пицеров.

И все же, несмотря на СНИПы, по настоянию Д. Е. Васильева ул. Ленина была сделана на несколько метров шире, чем все остальные — как-никак улица, носящая имя вождя мирового пролетариата.

Все помыслы Дмитрия Ефимовича, как градостроителя, были направлены на то, чтобы сделать наш город красивым, чис-

тым, зеленым, чтобы жизнь горожан в нем была счастливой и радостной.

После того как тротуары и проезжая часть улиц приводились в порядок и покрывались асфальтом, скрывая бетонное покрытие, подпорченое прокладчиками коммуникаций, высаживались саженцы деревьев и кустарников, которые со временем превратили улицы в зеленые аллеи.

Высаживались саженцы и внутри кварталов в тех местах, где безжалостная рука строителя уничтожила вековые сосны бывшей уральской тайги.

А пока саженцы имели еще малый рост и не создавали видимости аллей, земельные полосы между тротуарами и проезжей частью улиц засаживались цветами разнообразных сортов, и все лето до глубокой осени немногочисленные наши городские улицы благоухали коврами разноцветья. Сердце радовалось когда, бывало, проходишь вдоль ласкающего глаз цветочного изобилия, вдыхая аромат разнообразных запахов.

Посадкой цветов и уходом за ними занимались наши городские пенсионеры — безработные дедушки и бабушки, которых Дмитрий Ефимович ласковыми словами и, конечно, заслуженными вознаграждениями привлекал к полезному делу и для города, и для горожан, и для самих пенсионеров.

Цветочную рассаду выращивали в специально построенной для этого теплице

Здание управления ПНИ-1011

Улица Мира

Кинотеатр «Космос», 1960 год

Улица Васильева

Здание городской администрации

Бульвар Циолковского

Улица Забабахина

*Памятник П. И. Чайковскому
у Детской музыкальной школы*

на площадке 21 такие же безработные пенсионеры, проживающие там.

Для озеленения улиц и дворов будущего города осенью 1954 года, когда еще только выбиралось место «посадки» жилого городка для строителей, на одной из лесных полян поблизости от этого места предусмотрительный Дмитрий Ефимович организовал закладку питомника декоративных кустарников и экзотических деревьев. Впоследствии в этом питомнике в течение многих лет старательные лесоводы выращивали разнообразные саженцы, которыми украшались наши городские улицы и дворы.

Посадки деревьев и кустарников на улицах и дворах осуществлялись самими жителями прилегающих домов под руководством архитектора-декоратора. Работы эти выполнялись: или вечерами после работы, или в воскресные дни. Коллективные выходы на посадочные работы каждый раз назывались субботниками. И во всех этих субботниках обязательно участвовал и Дмитрий Ефимович со своими постоянными спутниками — персональными шоферами: или Леней Комиссаровым, или Ваней Вахониным.

А начались эти субботники с посадочных работ на бульваре Циолковского. Единственная улица в городе, идущая от кинотеатра «Космос» к озеру, имела не укладывающиеся ни в какие СНиПы ширину, она должна была стать в будущем цветущим весной, летом и осенью бульваром. А в конце этого бульвара-проспекта, на берегу озера, на скалистом уступе, по замыслу, со временем должен был разместиться павильон, где отдыхающие горожане за чаем и прохладительными напитками на свежем воздухе могли бы наслаждаться красотой озерной глади.

Посередине, вдоль всего бульвара должна проходить асфальтированная пешеходная

дорожка, по краям которой должны быть установлены диваны, чтобы можно было посидеть, отдохнуть, подышать ароматом цветов в тени раскидистых ветвей деревьев. В центре бульвара предполагалось соорудить фонтан, который своим журчанием дополнял бы идиллию рукотворного рая.

Так представлялось в мыслях и планах нашего неутомимого, страстно любящего жизнь и людей директора Дмитрия Ефимовича Васильева перспектива нашего города.

Своими мечтами он постоянно делился с нами при каждом удобном случае и страсть свою старался вселить во всех нас.

А пока, в сентябре 1958 года, бульвар Циолковского, с которого и началось озеленение нашего города, представлял собой спланированный земельный участок, ограниченный улицами Мира (ныне ул. Васильева) и 40 лет Октября и двумя бетонированными дорогами, соединяющими эти улицы. Представить себе тогда, как будет выглядеть бульвар Циолковского в будущем, можно было, поглядев красочную картину, которую изготавил архитектор-декоратор «Ленгипрострой».

И вот в один из дней конца сентября на этот земельный участок въехало сразу пять грузовых автомобилей, груженных доверху саженцами различных кустарников и деревьев, в том числе и саженцами яблонь. Вслед за этими грузовиками въехал знакомый всем черный ЗИМ Дмитрия Ефимовича. Вместе со своим шофером Ваней Вахониным он вышел из машины и, достав из багажника лопаты, троекратно свистнул, заложив два пальца в рот, и прокричал:

— Народ, выходи на работу!

«Народ», в основном работающий в секторе 4 и в управлении института, был уже подготовлен к выходу на субботник благодаря стараниям А. Д. Захаренко-

ва, П. Я. Усикова, Ю. Н. Артамонова, С. В. Клокова, А. А. Бунятяна и моментально отозвался на призыв Дмитрия Ефимовича. Вышли все — и стар, и млад. Всем хватило работы: кто принялся за разгрузку автомобилей, кто разносил саженцы по всей территории площадки, кто пронаводил разметку территории согласно проекту, кто рыл ямки и ровики. Всей этой «муравьиной» массой тружеников руководил главный городской архитектор-декоратор. Он-то и указывал какие саженцы и куда надо складывать, где какие ямки и ровики нужно копать, какие саженцы в них высаживать.

Кое-кто из работающих на субботнике высказывал Дмитрию Ефимовичу опасения, что напрасно садятся яблони, что ребяташки будут непременно устраивать набеги, когда яблони начнут плодоносить, поломают их и превратят бульвар в неприглядное место.

На эти высказывания Дмитрий Ефимович смеясь отвечал, что для таких прогнозов нет оснований. Этот сад-бульвар мы торжественно вручим во владение ученикам нашей школы. Они всю территорию поделят между классами, будут за ним ухаживать и оберегать от посягательств недобрых людей. На уходе за этим садом и будет воспитываться высокое моральное сознание наших детей — будущих хозяев города. Ведь город мы строим для них.

Забегая вперед, следует сказать, что ребяташки, опекая бульвар-сад, не только с любовью ухаживали за молодыми деревцами и кустарниками, но и приучали взрослых дядей вести себя культурно — не протоптывать в саду дорожки, шагая напрямую к автобусной остановке, не ломать насаждения.

Дело в том, что приезжающие с «большой земли» к нам в город на работу люди

привыкли там не очень-то бережно обращаться с дарами природы, и здесь, еще хилые, неокрепшие насаждения для их сознания не представляли какой-либо ценности или предмета бережного к ним отношения. И ломались эти несознательные дяди напрямик, подминая своими сапогами кустарники и травяные входы. Каждое утро ребяташки задерживали таких нарушителей по два—три человека и, вцепившись в их одежду детскими ручонками, вели их в опорный пункт милиции, размещавшийся в одной из комнат вестибюля управления. Там сотрудником милиции составлялся протокол о нарушении заведенного порядка, согласно которому нарушителю приходилось выплачивать штраф. Кроме того, в результате задержания, собеседования и составления протокола нарушитель опаздывал на работу и там тоже имел дополнительные неприятности.

Такие мероприятия имели большой успех, нежели ограждения бульвара и улиц заборами, изготовленными из труб по настоянию работников горкома КПСС и лично Н. В. Салтыкова. Для несознательного дяди такой забор не помеха — он с легкостью преодолевал его. Эти заборы и по сей день красуются по улице Васильева (бывшей Мира) и на бульваре Циолковского, и можно воочию убедиться, что они заборы не помеха не только молодым людям, но и прожившим свой век, казалось бы набравшим человеческой мудрости пенсионерам.

Тогда, осенью 1958 года, в течение субботнего вечера и всего следующего воскресного дня бульвар Циолковского был полностью засажен по периферии — кустарниками акации и по всей территории — яблонями и кленами. Между домами и проезжей частью бульвара были высажены кусты акаций и тополя.

В последующие дни, в вечерние часы, дружно выходя на субботники, против своих домов по улицам 40 лет Октября, Ленина и Мира жители города высаживали декоративные кустарники, клены, тополя и какие-то еще неведомые многим деревца. Всеми посадочными работами руководил все тот же городской архитектор-декоратор.

Во дворах же озеленение оголенных земельных клочков осуществлялось по согласованному жителями домов плану. Высаживались и декоративные кустарники, и клены, и рябина, и сирень, и кусты черной смородины — в общем все, что каждый мог принести из леса или достать где-то на стороне.

Так закладывался город коммунистического труда и быта.

Исключительно примечательно место, выбранное для «посадки» и строительства города, — озеро Синара — чудесное творение природы, которое должно было использоваться не только как благотворное место отдыха горожан, но и как фабрика производства рыбы — для удовлетворения спортивных интересов и для увеличения разнообразия продуктов питания.

Еще в далекие предреволюционные времена всемирно известный русский ихтиолог Сабанеев, исследовав это озеро, доказал, что в нем могут обитать и размножаться ценнейшие породы рыб из семейства сиговых, омулевых и судаков. Тогда же были завезены мальки чудесного и ладожского сига, которые прекрасно прижились в водах Синары, но вследствие хищнического лова в годы Отечественной

Край синих озер

войны и особенно в послевоенные годы не только сиговые, но и лещовые породы были выведены почти полностью.

Благодаря настойчивым действиям Дмитрия Ефимовича, постановлением Челябинского областного Совета озеро Синара было признано принадлежностью города, и в нем запрещался промысловый лов рыбы.

Но о рыбных богатствах озера Синара знали все браконьеры Свердловской области. Они то и совершали ежегодно опустошительные набеги во время перестилниц. Варварскими методами лова они не столько ловили рыбу, сколько ее губили. Кроме того, раскатываясь в местах перестилниц на лодках со страшно шумящими моторами, создавали неблагоприятные условия для нереста. Не отставали от приезжих браконьеров и наши городские дикари, ради удовольствия несущиеся по озеру на больших скоростях и со страшным шумом.

А ведь раньше в эти периоды запрещалось выплывать на озеро даже на веслах,

запрещался и колокольный звон в церквях. Но в наши времена человеческая мораль ушла на задворки.

Так вот, чтобы навести порядок на озере (ведь оно теперь — наша собственность), общество любителей природы решило во время нереста рыб вести круглосуточное дежурство, отлавливать браконьеров и нарушителей тишины и с помощью представителей правоохранительных органов примерно наказывать их. А чтобы сигонье на нерест не уходило из озера в речку Синару, где их скопления возле плотины в селе Воскресенское по первому льду безжалостно истребляли, в устье речки (как это делалось в былые времена) устанавливалась металлическая сетка. Места крепления сетки на обоих берегах речки сохранились еще с тех давних времен, а вот сетку по инициативе Дмитрия Ефимовича пришлось изготовить заново на нашем опытном производстве. Установку сетки по договоренности с командованием полка поздней осенью осуществляли солдаты, стоящие на охране городской зоны. Они же ее демонтировали ранней весной до начала ледохода. Принятые меры по охране озера через три года сказались громадным приростом лещовых и сиговых. А какое количество развелось щук, окуней, чебаков и небольших, но прекрасных по вкусу ельцов. Даже малоопытные рыбаки всегда возвращались с рыбалки с приличным уловом. Орудиями же лова допускались только удочки и спиннинги.

Всякий горожанин, посидев на озере с удочкой, и зимой и летом не только отдыхал физически, отключаясь от всех производственных забот (быт-то у всех без исключения был нормальным), но и приносил домой деликатесы, разнообразящие обеденный стол.

Во избежание загрязнения озера вскоре было запрещено пользование бензи-

новых моторов на лодках, всюду были сооружены очистные колодцы для фильтрации сточных вод, наложен строгий контроль качества сбрасываемых в озеро вод, запрещено частникам мыть автомашину на берегу озера.

В общем, все делалось так, чтобы отдых на озере был полезным и безопасным для здоровья горожан.

В то время телевидение только-только вступало в силу. В Свердловске уже работал трансляционный телецентр, но прием его передач в нашем городе был далек от совершенства, и не каждому удавалось видеть более-менее приличные изображения на экранах телевизоров.

Дмитрий Ефимович и в этом деле проявил огромное беспокойство. Им был организован небольшой коллектив специалистов-энтузиастов на сотрудников подразделений института, который разработал и изготовил на первом опытном производстве коллективные антенны, а также необходимые для устойчивого приема телесигналов устройства-усилители, произвел проводку кабелей по квартирам и тем самым обеспечил высококачественное телевидение в каждой квартире. Начата была проработка проекта и изыскание средств для сооружения собственного городского ретранслятора, позволяющего вести устойчивый прием центральных, свердловских и челябинских телепередач.

А пока единственным культурно-развлекательным центром в нашем обустраниваемом городе был кинотеатр «Космос». Но в летнее время, когда на улице стоит жаркая погода, кому охота идти в душный зал кинотеатра? И чтобы для кинозрителей в такие дни создать комфортные условия, Дмитрий Ефимович затеял построить на берегу озера Синары, на краю прибрежной поляны, кинотеатр под открытым небом, что было весьма оперативно осуществлено.

Строительство ДК «Октябрь», 1961 год

Теперь горожане, после тяжелых трудов на производстве или длительного пребывания под жарким солнцем на прибрежной поляне, вечером шли в этот кинотеатр, на свежем озерном воздухе смотрели кинофильмы первого экрана.

Все общественно-политические мероприятия, производственные собрания в городе проводились в единственном пригодном для этих целей помещении — кинотеатре «Космос».

А однажды, благодаря стараниям Дмитрия Ефимовича, приехал к нам в город театр оперетты из Челябинска-40 и показал чудесную постановку спектакля-оперетты «Сорочинская ярмарка». Удовольствие зрители получили колоссальное. Хотя сцена кинотеатра своими ограниченными размерами затрудняла игру артистов, все же они прекрасно справились со своими ролями и в этих неудобных условиях. Отсутствие кулис и гримерных заставило артистов готовиться в фойе кинотеатра, а затем через весь зал в гриме идти мимо зрителей на сцену. Это создавало большие неудобства.

Дмитрий Ефимович, с которым мне пришлось сидеть рядом в зале, страшно переживал. И после спектакля твердо сказал, как отрезал:

— Все. Надо срочно и оперативно строить театр.

— Помилуйте! Какой театр? Дворец культуры — второй год пошел, как фундамент его никак не вылезет из-под земли!

— Поэтому и надо строить театр своими силами и без привлечения строителей. Методом народной стройки. И в конструкции сооружения нужно использовать стандартные и готовые строительные блоки и детали, применяемые для промышленных зданий: потолочные перекрытия, стенные плиты, дверные и оконные блоки, отопительные и сантехнические комплексы и т. п. Ну а кресла, диваны и прочие атрибуты театра — пустить в ход все, что приобретено уже и лежит на складах для будущего дома культуры, ибо, когда его выстроят, все это оборудование можем вновь заказать и приобрести.

И что же? В конце очередной оперативки, буквально через пару дней после состоявшегося вышеприведенного разговора, на обсуждение руководителей секторов и опытных производств Дмитрий Ефимович представил аванпроект будущего театра, оперативно разработанного проектировщиками «Ленгипростроя», постоянно находившимися у нас на объекте, и сотрудниками отдела капитального строительства. Обсуждение было недолгим. Всем без исключения понравилась идея самостроя и использования готовых конструкций, идея привлечения на стройку и на изготовление нестандартных узлов, идея использования наличных в подразделениях материалов и средств.

Правда, все высказались однозначно, что название стройки — «театр» слишком громкое, будем именовать ее клубом «Темп», поскольку сооружаться будет в темпе.

И работа закипела. Место для строительства клуба было выбрано в стороне

от городских строительных площадок — за Демидовским каналом, соединяющим когда-то озеро Синара с озером Силач. Развернувшаяся здесь стройка не будет мешать большому городскому строительству. Привязка строительства клуба к этому месту не потребует больших затрат, чтобы в коммуникации «врезаться».

Водители транспортного цеха, прибывшие на стройку со своими экскаваторами, бульдозерами и самосвалами, быстро подготовили площадку под фундамент. Плотницких дел мастера (и такие нашлись) соорудили опалубку под фундамент. Самосвалы непрерывно подвозили бетон, по договоренности с работниками завода ЖБИ бетон подавался без задержек. Не прошло и суток — фундамент был готов. А в это время были завезены: кирпич, балки потолочных перекрытий, стенные блоки, дверные и оконные блоки, отделочные материалы — сухая штукатурка, филленка, краски, лаки и т. п.

Через сутки началась кладка кирпичных колонн и монтаж стеновых несущих железобетонных блоков.

На восьмой день здание клуба уже было готово для настила кровли, для наведения марафета внутри и снаружи: обивки стен филленкой, оргалитом и покраски настила пола, установки кресел в зале.

Сейчас, спустя почти 35 лет, вспоминая все происшедшее тогда, и сам с трудом веришь, и вряд ли поверит кто из слушающих или читающих эти воспоминания, что такое было возможно. Что клуб «Темп» (ныне «Ритм») был воздвигнут в возможном в те времена темпе — всего за восемь суток. Невероятно, но это факт.

Этот клуб в течение пяти лет, пока строился Дворец культуры, служил местом проведения различных мероприятий, посвященных праздникам и торжественным датам, партийных и городских

собраний, театром, куда приглашались артисты из Челябинска, Свердловска и Челябинска-40.

А первым коллектива, который показал свое искусство на сцене нашего клуба, был Свердловский театр музыкальной комедии с опереттой «Где-то на юге». Здесь для артистов уже были созданы вполне удовлетворительные условия для успешного выступления перед зрителями.

Котельная центрального отопления и снабжения горячей водой производственных помещений, жилых домов, магазинов и детских учреждений работала в основном на угле довольно низкого качества Копейского месторождения. Большая зольность этого угля создавала солидные проблемы по утилизации шлака. Неполностью сгоревшие остатки угля, а также большое количество золы, выбрасываемые дымовыми трубами, сверх меры загрязняли воздух и территорию далеко окрест. Не только улицы, дворы, растительность покрывались толстым слоем угольной пыли и копоти, но и окна, стены и мебель в квартирах. А зимой выпавший белый снег моментально покрывался черным налетом.

Все это вызывало большое беспокойство у Дмитрия Ефимовича, и он постоянно и всюду говорил, что котельную нужно переводить на газ, благо газопровод Газли—Свердловск проходит совсем рядом. Надо было срочно выходить в Совет Министров СССР для решения этого вопроса, а отделу капитального строительства совместно с главным инженером проекта — разработать техническое обоснование (ТО) и техническое задание (ТЗ) на проектные работы.

А пока эти вопросы будут прорабатываться, котельную нужно срочно перевести на мазут. Для этого решения правительства не нужно.

Все жилые помещения в городе обустранивались дровяными кухонными печами. Для хранения запасов дров использовались все подвальные помещения жилых домов. Во дворах постоянно устраивались склады дров и производилась разделка их до состояния, пригодного для использования в кухонных печах. Все это являлось источником загрязнения и дворовых территорий, и подвальных помещений, и, конечно, самих квартир. В дополнение ко всему дымящие кухонные печи отравляли воздух, которым дышала проживающая семья, загрязнялись и стены квартир, и мебель, и одежда и т. п. Эти обстоятельства заставляли принимать незамедлительные меры перехода на газ и в быту. Пока будет решаться вопрос о подосеждении к магистральному газопроводу и будет устраиваться городская система распределения газа по квартирам, нужно всюду заменить дровяные печи на газовые с баллонным газообеспечением.

И вот, к концу 1958 года первые газовые плиты с баллонным газообеспечением были установлены в домах № 8 и 9 по улице 40 лет Октября. Дмитрий Ефимович посетил почти каждую квартиру, поговорил с домохозяйками, поинтересовался, довольны ли они нововведением? А у самого при таких беседах на лице всякий раз сияла радостная улыбка. Радовался он тому, что принес в каждый дом не меньшую радость.

Дмитрий Ефимович работал, не ведая усталости, чтобы люди были счастливы, чтобы радовались результатам своего труда, чтобы радовались условиям быта. За отеческую заботу народ отвечал ему большим уважением.

В течение 1959 года во всех крупногабаритных жилых домах кухонные дровяные печи были заменены на газовые с баллонным газом. В строящихся «хру-

щевках» теперь сразу устанавливались газовые плиты.

Для бесперебойного обеспечения сжиженным газом в баллонах была оперативно выстроена газонаполнительная станция за хлебозаводом против пожарного депо и создана специальная газовая служба.

Многие жители нашего города имели родных и близких в различных уголках нашей страны и общались во время поездок к ним на поездах или самолетах через Свердловск или Челябинск. В эти отправные пункты можно было добраться либо автобусом, либо личным автотранспортом по древней ухабистой Демидовской дороге, выстланной от Сысерти до Тюбука булыжником, а далее до Челябинска — и вовсе без твердого покрытия.

Поездка по этим дорогам была самым жестким испытанием на прочность и человеческого организма, и техники. А в дождливую погоду наш город бывал напрочь отрезан от Челябинска.

Короче говоря, поездка по личным и служебным делам за пределы города вызывала колоссальные трудности. Выход из такого положения виделся в приобретении своего, институтского, воздушного и железнодорожного транспорта и в организации четких по расписанию пассажирских перевозок, как это сделано и бесперебойно работает вот уже в течение многих лет в КБ-11 (Арзамас-16).

При очередном докладе руководству страны о ходе становления института, о выполнении заданий ЦК КПСС и Совмина СССР по разработке новейших видов военной техники, о возникающих проблемах и путях их преодоления Кирилл Иванович Щёлкин посетовал на сложности транспортировки людей в областные центры Свердловск и Челябинск и изложил просьбу руководства института

о предоставлении возможности приобретения самолета АН-2 и нескольких пассажирских вагонов. И эта проблема оказалась довольно просто решаемой: было подписано Л. И. Брежневым, тогдашним Председателем Президиума Верховного Совета, распоряжение о продаже Киевским авиастроительным предприятием одного сверхпланового самолета АН-2 и о выделении Управлением Южно-Уральской железной дороги нескольких железнодорожных классных вагонов в аренду НИИ-1011. И вот в середине лета вся эта техника поступила в наше распоряжение.

Довольно оперативно была обустроена взлетно-посадочная полоса, выстроен небольшой домик с залом ожидания для пассажиров, комнатами для размещения диспетчерской службы с необходимой аппаратурой и билетной кассы. К этому мини-аэровокзалу с автодороги, идущей на 21-ю площадку, подвели подъездную дорогу с бетонным покрытием. Был принят в штат института и летный экипаж из Уктусского авиапредприятия в составе трех человек.

Все это аэродромное хозяйство вместе с самолетом, экипажем и обслуживающим персоналом вошло в состав транспортного цеха, которым заведовал А. С. Карбовский.

Самолет АН-2 ежедневно выполнял до шести рейсов (в зависимости от наличия пассажиров) до Уктусского аэропорта и обратно. Иногда, в силу необходимости, осуществлялись рейсы до аэропорта Кольцово и в Челябинск.

Таким образом, транспортная проблема для горожан, едущих в областные центры Свердловск и Челябинск, разрешилась самым наилучшим образом.

Кроме того, от городского железнодорожного вокзала, так же оперативно возведенного на подъездных путях в конце улицы Морской, ежедневно отправлялся

пассажирский купированный вагон до г. Челябинска, где он подцеплялся к фирменному поезду «Южный Урал» и следовал до Москвы. Этот же вагон ежедневно возвращался обратно. Тем, кто уезжал из города поездом, до любого конечного пункта можно было приобрести билет в кассе городского вокзала, а до Челябинска и Москвы можно было ехать спокойно «своим» поездом без пересадки. Так была решена транспортная проблема.

К концу 1957 года город и все промышленные площадки стали закрытой зоной, отгороженной от «большой земли» охраняемой войсками МВД колючей проволокой. В городе введен строгий режим, ограничивающий беспричинный выезд за зону жителями города. Постоянные пропуска для проезда через зону имели единицы. Большинству же, чтобы куда-то выехать, требовалось подавать в режимную службу заявления с указанием мотивов выезда. Это создавало большие и ненужные хлопоты всем: и горожанам, и работникам режимной службы. Частенько возникали курьезы с выдачей разрешения на выезд из зоны, а уж о въезде в зону родственным и говорить нечего — почти нерешаемая проблема.

Конечно, руководителю режимной службы удобнее всего было бы никого не выпускать из зоны, тем более не впускать — хлопот меньше. Но в жизни часто возникают разные ситуации, не укладывающиеся ни в какие нормы режима, и выходы из них нужно находить оперативно. К сожалению, к бедам или нуждам горожан чиновники порой относились чисто формально: «Не положено — стало быть, нельзя». Особенно таким формализмом чрезмерно страдал третий по счету заместитель директора по режиму А. С. Юбин. Много людей приходило к Дмитрию Ефимовичу с жалобами на

его формализм и нежеланием входить в положение попавшего в беду человека. И во всех случаях проблемы снимались Дмитрием Ефимовичем. Так как наказать своего заместителя за формализм не было оснований — он действовал по инструкции, спущенной сверху.

Дмитрий Ефимович резко выступал на всех уровнях против «инструкций», унижающих достоинство человека, и всюду постоянно говорил, что зона и соответствующий режим установлены не для того, чтобы никого из зоны не выпускать ни под каким предлогом, а для того, чтобы нежелательные элементы не проникли в зону. На что чиновники постоянно отвечали одним и тем же: «Мы руководствуемся инструкциями из Москвы».

И Дмитрий Ефимович в конце концов добился изменения формальных подходов к людям и требованиям режима секретности. Началась выдача постоянных пропусков для прохода через зону сотрудникам института и членам их семей.

Дмитрий Ефимович всюду и всем постоянно твердил, что мы строим город коммунистический, посему и мораль горожан, и нормы взаимоотношений должны быть соответственными: уважительное отношение друг к другу, немедленное оказание помощи тому, кто внезапно окажется в трудном положении, тщательное оберегание веленых и цветочных насаждений на городских улицах и во дворах, уход за ними и в таком же духе воспитание своих детей. И, Боже упаси, чтобы в нашем городе имели место кражи — будь то личных ценностей или государственных.

Но в те годы в наш город прибывали со всех концов страны люди с разными моральными устоями. Некоторые из них (к счастью таких было мало) беззастенчиво попирали установленные нормы общежития — напивались без меры, буянили

и в семьях, и на улицах или во хмелю являлись на работу. С такими проводилась серьезная работа, их примерно наказывали и уж совсем неисправимых после разбирательства в коллективах и собеседования у директора увольняли с производства и выселяли за зону. А уж воровство и вовсе было нетерпимым.

На моей памяти произошло лишь два случая.

Украли велосипед, оставленный одним доверчивым горожанином возле гастронома. Слух о краже мгновенно распространился по всему городу. Возмущению не было предела. Начальнику горотдела милиции А. А. Мясникову было дано указание немедленно разыскать вора. И вскоре он был найден. Им оказался рабочий, завезенный из Каслей.

Велосипед был возвращен владельцу, а с вором Дмитрий Ефимович не стал проводить никаких воспитательных бесед, понимая их бесполезность. Не стал и передавать дело в суд, а прямо и коротко заявил:

— Ты — вор, и этим гадким делом ты занимаешься, как я выяснил, давно. Пора тебе и понести ответственность за твои грязные дела. Но судить я тебя не стану, а выселю тебя со всей семьей из города. Возвращайся туда, откуда приехал, и там воруй, пока еще раз не попадешься. Ты, вор, имеешь право подать в суд на меня, на честного человека, за то, что вот так с тобой поступаю.

И работники милиции оперативно эвакуировали вора на прежнее место жительства в г. Касли. Конечно, подавать в суд он не отважился.

Этот инцидент всеми имеющимися в то время средствами информации был доведен до сведения каждого работающего на производстве и каждого жителя города. Отклики горожан на такое действие

Дмитрия Ефимовича были сплошь одобрительными.

Второй подобный случай воровства произошел там же, возле гастронома. Один молодой рабочий первого производства вскрыл стоявшую на стоянке против управления института автомашину, каким-то хитрым способом сумел завести двигатель и, когда к нему подошел постовой милиционер (и такие тогда были милиционеры, не то что сейчас) и попросил предъявить документы, тот погнал автомашину по проспекту Мира в сторону хлебозавода.

Бдительный милиционер остановил случайно подвернувшийся автомобиль и кинулся в погоню. Возле хлебозавода он нагнал вора и арестовал его.

С этим вором Дмитрий Ефимович поступил точно так же, как и с первым — на следующий день по его приказу вор был уволен и вывезен за КПП городской зоны со всеми его пожитками — иди на все четыре стороны. И этот инцидент был также доведен со всеми подробностями до всех горожан.

С тех пор воровство в городе прекратилось совсем. Люди настолько привыкли к тому, что чужое никто, никогда и нигде не возьмет, что идя в кинотеатр «Космос», оставляли свои сумки с продуктами, порой и с деньгами, на окнах гастронома и после просмотра кинокартины заходили в магазин, брали свои сумки там, где их оставляли, и спокойно отправлялись домой.

Был заведен раз и, казалось, навсегда порядок — не тобой положено, не бери. И этот порядок строго соблюдался всеми от мала до велика, пока здравствовал директор Дмитрий Ефимович Васильев.

Непременным атрибутом всякого предприятия и города в те времена были спортивные площадки и соответствующие спортивные сооружения на них. Все это и

в проекте, и в титуле строительства было, но у строителей хватало сил лишь на то, чтобы выстроить на берегу озера легкие сооружения — эллинги для яхт. Но яхт еще не было, как и не было еще клуба яхтсменов. И чтобы эти сооружения не пустовали, предприимчивый начальник ОРСа Евгений Мефодьевич Голиков организовал в них кафе-закусочные, которые постоянно заполнялись вечерами горожанами после работы, рыбалки, лодочных прогулок по озеру или после загораживания на пляже. И торговой организации выгода, и каким-то хозяевам этих сооружений доход (как-никак за аренду помещений ОРС что-то платит) и горожанам — удовольствие.

Но со спортивными площадками нужно было что-то делать. Не за горами зима. И вот Дмитрий Ефимович вызывает к себе в кабинет А. Д. Захаренкова и меня и, улыбаясь, как всегда, весело говорит: «Вот что, друзья. Хватит вам на необустроенном берегу лишь одной зарядкой заниматься (кстати, эти утренние разминки на берегу озера в шутку назывались «захарядками»), надо что-то капитальное соорудить, своего рода самодельные стадионы. Запланированный спорткомплекс от строителей не скоро получим. Предлагаю вам организовать обустройство хоккейного корта во втором квартале за школой. Я посмотрел — там самое подходящее место. А за Демидовским каналом на берегу озера соорудить футбольное поле, которое зимой можно будет использовать под каток. Для этого нужно удалить не более десятка сосен, об этом я уже договорился с лесхозом, срезать косогор и спланировать горизонтальную площадку. Бульдозером сделать это несложно, там скальных грунтов нет, это я уже выяснил. Ваша задача — выполнить земляные планировочные работы. Бульдозер

Спортивный комплекс имени Ю. А. Гагарина

у вас есть, люди есть, а время, свободное от работы, сами найдете. И надо все это успеть сделать до заморозков. А для укрепления грунта по берегу озера надо посадить клены. Где саженцы брать — знаете, а на отпуск их агроном уже получил указание. Ну как, согласны со мной?»

Конечно, согласны. Мы и сами эти варианты уже обдумали и не раз обсудили. И надо же — наши мысли и планы совпали с директорскими. Теперь — за работу.

Обустройство этих двух спортивных площадок целиком взял на себя четвертый сектор. Руководство строительными работами поручено Николаю Степановичу Повышеву. Для земляных работ с третьей площадки был привезен бульдозер и умелец-бульдозерист за неделю косогор превратил в горизон-

тальную площадку, которую затем огородили забором-штакетником. А на прибрежном земляном отвале посадили в два ряда деревца-клёны, красотой которых и сейчас можно полюбоваться.

Спиленные сосны были разделаны на доски, которые пошли потом на изготовление ограждения хоккейного поля, зрительских трибун и домика-раздевалки для хоккеистов.

Все деревянное обустройство спортивных площадок готовилось в столярной мастерской площадки № 3, освещение корта и система радиофикации спортивных площадок изготавливались в лабораториях сектора 4 энтузиастами. Монтаж деревянных конструкций, электрооборудования и радиофикация осуществлялись сотрудниками сектора 4. Как ни странно,

другие подразделения института так и не включились в строительство этих двух мини-стадионов. И хоккейные команды, если можно их так назвать, формировались только из сотрудников сектора 4 по отделам. Главным организатором хоккейных команд выступала Мария Александровна Гаряева, а главным тренером всех команд — Василий Поздняков.

С наступлением зимы начались хоккейные баталии. Соревнования проходили между отделами, а результаты поединков живо комментировались стенной печатью. Соревнования эти походили скорее на потешные игры, чем — на спортивные, и доставляли зрителям много веселых минут. А зрителей собиралось много. Поединки проходили почти каждый вечер.

В конце зимы 1958—1959 годов в комитете ВЛКСМ наконец-то начали поговаривать о формировании официальных спортивных клубов по подразделениям. Первым таким клубом стал «Спортивный клуб имени Чкалова» (СКИЧ), который отобрал команду любителей хоккея из сотрудников четвертого сектора и начал готовить спортсменов-профессионалов местного уровня.

Футбольшое поле, сооруженное за Демидовским каналом, использовалось на протяжении трех лет лишь в летний период для игры в футбол только любителями этого вида спорта из числа сотрудников четвертого сектора, да ребятами-школьниками. Из других секторов и заводов любителей футбола долгое время не находилось.

Зимой же это футбольное поле, как площадка для катка, долгое время не использовалось — не находилось энтузиастов организовать команду для заливки и поддержания в надлежащем состоянии площадки катка. Это стало возможным, когда был официально оформлен парк культуры и отдыха с набором различных

аттракционов и постоянным штатом сотрудников, обслуживающих эти аттракционы и поддерживающих в надлежащем состоянии футбольное поле летом и каток на нем зимой.

А Дмитрий Ефимович уже агитировал нас всех на строительство плавательного бассейна методом народной стройки, как и клуба «Темп». Уже был найден подходящий типовой проект, подобраны типовые конструкции и необходимые строительные материалы. Так же после очередной оперативки идея самостроя плавательного бассейна была обсуждена с руководителями подразделений института и поддержана всеми без исключения. Объявлено — какому подразделению, когда, какими силами и с какими инструментами выходить на работы, какую технику и в каком количестве должен ежедневно выделять транспортный цех. Установлена дата начала работ. Все этапы и объемы работ были тщательно проработаны — постарались работники ОКСа.

И вот, вскоре работа на строительной площадке закипела, но буквально на следующий день радость созидательного труда была омрачена тем, что под небольшим слоем наносного грунта оказалась сплошная скала необычайной прочности. Никаким инструментом, никакой техникой, имеющимися в нашем распоряжении, углубиться в скальный массив не представлялось возможным. А применение взрывов исключалось по причине близости двух уже заселенных жилых домов. Не подумали проектировщики и работники ОКСа, выбирая место посадки здания бассейна, что возможна с такая ситуация. Не произвели разведку грунта, прежде чем начать земляные работы. В результате — столкнулись вот с такой проблемой. Что делать? Может быть, «посадку» бассейна перенести в другое место, например, за Демидовский

канал между клубом «Темп» и футбольным полем? Но этот вариант не подходил к условиям самостроения, т. к. требовал производства больших работ по подводке коммуникаций, что невозможно без привлечения строителей. Ну а раз следовал вывод, что затея сооружения бассейна при любых вариантах его привязки на местности невозможна без привлечения строителей, значит, нужно включение этого объекта в титул строительства, выделение особого финансирования. А это невозможно без постановления правительства. Значит надо идти в ЦК КПСС и Совмин СССР и доказывать необходимость строительства этого объекта.

Не знаю, по каким коридорам власти ходили Дмитрий Ефимович вместе с Кириллом Ивановичем, велики ли были трудности в убеждении чиновников в необходимости строительства этого объекта, но приехали они из Москвы довольные и с большой радостью сообщили, что добились включения в титул строительства и бассейна, и еще закрытого хоккейного корта с искусственным льдом.

Теперь сооружение плавательного бассейна пошло уже в плановом порядке силами строителей. Закончено оно было уже после смерти Дмитрия Ефимовича. И вот уже на протяжении более тридцати лет этот оздоровительный комплекс — прекрасный памятник нашему первому директору — верой и правдой служит и молодым, и пожилым горожанам.

Дмитрий Ефимович прекрасно понимал, какого напряжения умственных и физических сил стоили инженерам, научным работникам, конструкторам, технологам и рабочим труды над созданием новейших образцов техники вооружения.

Поэтому для снятия напряженного состояния им постоянно организовывались в выходные воскресные дни, кроме спор-

тивных мероприятий, коллективные прогулки, пикники на лоне природы, поездки в экзотические по своей красоте места, которыми изобилуют окрестности нашего города.

Во многих коллективных выездах на природу Дмитрий Ефимович был не только их организатором, но и выступал в роли затейника всевозможных игр, импровизированных футбольных состязаний, соревнований по рыбной ловле, по варке коллективной ухи на костре и устройстве большого семейного обеда на лоне природы в атмосфере чудесного аромата ухи.

Приведу лишь один пример, как Дмитрий Ефимович откликался на предложения по организации каких-либо мероприятий, связанных с полным отключением от напряженных производственных забот.

Одним из видов досуга у нас была рыбалка, и, когда начинался сезон успешного лова, не считалось большим грехом бросить все производственные дела и уехать подальше на какую-нибудь речку или отдаленное озеро, изобилующее рыбой.

Такие сезонные моменты бывали и ранней весной, и среди лета, и поздней осенью, и по первому льду в начале зимы.

В последних числах апреля, каждый год, небольших размеров рыбешка, называемая ельцом, из озера устремляется огромными косяками в речушки и ручейки, впадающие в него. Ход этих косяков длится три-четыре дня, и эти дни не совпадают год от года, их нужно караулить. Улов в эти дни гарантирован отменный.

Жители окрестных деревень, в основном татары, в такие дни, перегораживая реки от берега до берега сетями, увозили улоны возами. Этот браконьерский вид лова у нас был категорически запрещен. Допускалось единственное орудие лова — удочка.

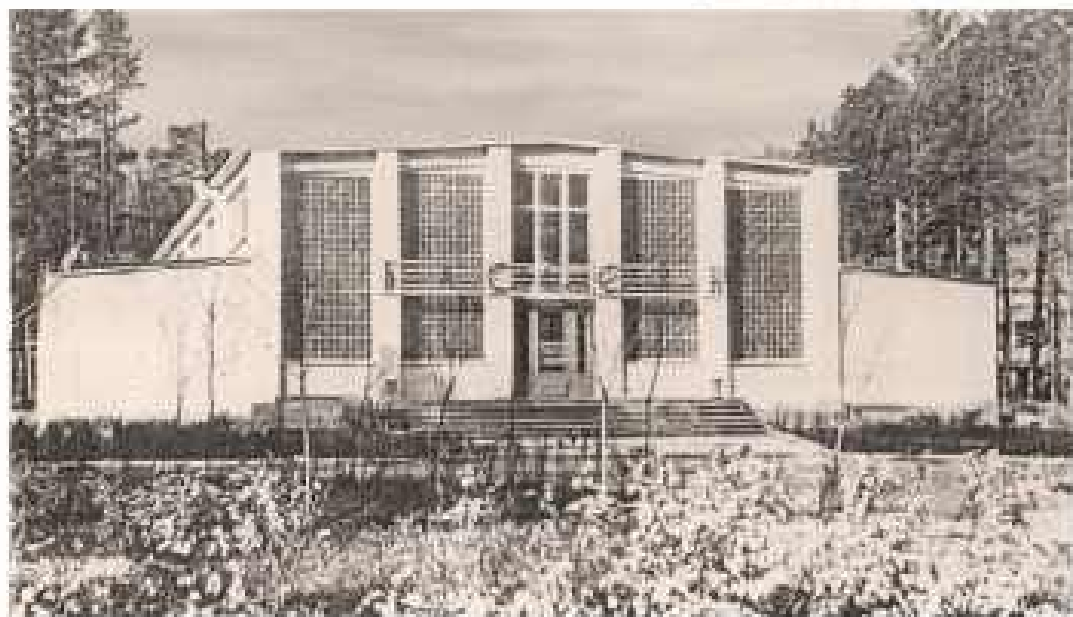
Однажды, ближе к вечеру, повстречался мне хорошо знакомый товарищ из

*Торжественное открытие первой школы
в городе, 1 сентября 1957 года*

Строительство первой школы

Бассейн «Урал»

управления строительства со странной фамилией Спичак, заядлый рыбак, и сообщил, хвастаясь своим уловом, что елец пошел в речушку (уж не знаю, как она называется), впадающую в безымянное озеро, а в общем-то — Демидовский пруд, сооруженный в далекие времена на этой речушке на полпути от Каслей до Уфалея, вблизи «примыкания» нашей железнодорожной ветки к ветке Касли—Маун. Это место так и называлось у нас — «Примыкание». Но проехать на автомобиле, как сообщил Спичак, к тому месту невозможно — «Даже не пытайтесь». Сразу за Каслями грунтовая дорога утопает в болоте солидных размеров. Форсировать это болото можно только с помощью гусеничного трактора. Лучший способ добраться до «Примыкания» — воспользоваться железнодорожной дрезиной.

«Если возникнет желание порыбачить в том прелестном месте, просите дрезину у начальника строительства Симоненко. И спешите», — в заключение посоветовал Спичак.

Когда я рассказал об услышанном А. Д. Захаренкову, тот мгновенно «загорелся» и сразу предложил: «Давай организуем эту рыбалку с помощью Васильева».

В послеобеденный час заявили мы вдвоем с директором кабинет. Дмитрий Ефимович просматривал почту. На столе перед ним лежала огромная стопка документов.

Сразу подумалось, что затея «втащить» директора в авантюру с рыбалкой, когда у него вон сколько документов на просмотре, да еще на дрезине — бесперспективна.

Поздоровавшись с нами, прервав просмотр почты и пригласив присесть, он спросил, как всегда улыбаясь:

— Какая нужда привела вас ко мне в такой неурочный час?

Александр Дмитриевич без вступительных речей сразу выпалил:

— Дмитрий Ефимович, елец пошел!

Другой бы директор после такого сообщения выгнал бы пришельцев из кабинета тут же и приказал бы пойти на свои рабочие места и заняться делом, не трата на пустяки драгоценное время. Но Дмитрий Ефимович внешне никак не отреагировал на это сообщение, лишь спросил:

— А эти сведения достоверны?

— Спичак вчера вечером возвратился с солидным уловом. Вот он сам видел и с ним разговаривал, — кивнул Захаренков в мою сторону.

— Ну раз Спичак с уловом, значит все так оно и есть. Он толк в этом знает, — на полном серьезе произнес Дмитрий Ефимович.

— Но туда можно добраться только на дрезине по железной дороге. Нужно уговорить Симоненко, чтобы он этот транспорт выделил, — сообщил Захаренков.

— Ну, это мы сейчас сделаем, — обнадежил Дмитрий Ефимович и сразу же набрал нужный номер телефона.

— Симоненко! День добрый! Чем занимаешься? Оперативку проводишь? Давай закругляйся! Елец пошел! Нужна дрезина. Едем на «Примыкание»... Хорошо, собираемся на КПП-1 в 17.00.

И к нам:

— Все, ребята. Идите, готовьте снаряжение, подъезжайте к КПП-1, и в пять часов тронемся.

Вызвав работника первого отдела, попросил забрать почту до завтра и пошутил: «Дела в горы не уйдут, а ельца можно проворонить».

Ровно в 17.00 у КПП-1 дружно собралась компания: Симоненко со своим шофером, Дмитрий Ефимович с Ваней Вахонным, Е. М. Голиков и нас двое. Разместились в стоявшую рядом дрезину,

тронулись и через двадцать минут были на месте.

В этот край я попал впервые. Красота этой местности очаровала настолько, что поначалу я забыл, зачем сюда приехал. А бывавшие здесь не один раз рыбаки в спешном порядке готовили свои снасти, их природа в данный момент мало интересовала.

Разбредясь вдоль причудливой речушки, петлившей по не менее причудливому лесу, каждый, выбрав себе понравившееся место, начал забрасывать удочки. Лов-

ельца во время его хода на нерест требует некоторой хитрости — если забросить удочку и ждать, когда проходящая мимо наживки рыбешка клюнет — не дождешься однозначно. Но стоит потянуть удочку против течения, как рыбешка тут же хватает наживку и цепляется на крючок. Тут только успевай ее вовремя вытащить.

На сей раз такого массового клева, о котором рассказывал Спичак, ни у кого из нас не наблюдалось. Видимо, погодные условия чем-то отличались от вчерашних. Но все же до наступления темноты каждый изловил по 4—5 десятков хвостов. Такой улов все же можно было считать вполне приличным. С наступлением темноты клев и вовсе прекратился.

Возле железнодорожной насыпи уже поыхал мощный костер, вокруг которого священнодействовал Ваня Вахонин. Вскоре последовал раскатистый свист и призыв: всем к костру! А возле костра уже белела в сумерках «скатерть-самобранка», на которой по кругу стояли рюмочки, в середине — бутылка коньяка и горки хлеба, колбасы, ветчины и еще какой-то снеди. Рыбаки собрались у костра и расселись по приглашению Дмитрия Ефимовича вокруг «скатерти-самобранки». Разлили всем по рюмочке, чокнулись за удачную первую рыбалку в этом году. Все выпили, а Дмитрий Ефимович свою рюмочку передал Евгению Мефодьевичу, который незамедлительно отпирал ее содержимое вслед за своим. Дмитрию Ефимовичу пить было нельзя — около года назад он перенес инфаркт, посему спиртное в данный момент ему было противопоказано.

Когда в спешке собирались мы на эту рыбалку, никому из нас не взбрело в голову, что нужно было бы прихватить с собой что-то из питья и закусок для организации импровизированного ужина

на природе, в темноте, освещаемой пламенем костра. Но Дмитрий Ефимович все это предусмотрел, ведь житейский опыт этого уникальнейшего человека был куда богаче нашего.

Это, заключающее нашу рыбалку мероприятие, было прекрасным подарком всем нам от нашего всеми уважаемого директора. А он после того, как в заключение ужина было выпито по кружке ароматного чая, смеясь сказал:

— Вы, наверное, думаете, что вот какой у вас непутевый директор — в рабочее время устроил рыбалку. А я забочусь о вас, черти, чтобы и вас, не приведи Господь, кого-нибудь не постигла такая вот беда, как меня полгода назад. При такой бешеной работе все может быть. Вон Владимир Гречишников сгорел во цвете лет, не ведая, что такое своевременная разгрузка. А я уверен, что после этой рыбалки вы будете работать, как лошади, и никакая болячка к вам не пристанет. А потерянные полдня — ерунда, вы их с лихвой наверстаете. Заодно и я с вами проветрился, какой-никакой, а заряд бодрости получил.

Возвращались мы по домам довольные — и уловом, и впечатлениями от увиденного в этом диком пока еще уголке уральской природы, и от непринужденного общения.

Подобные вылазки на природу мы устраивали каждый год и почти каждое воскресенье. Почти всегда с нами бывал и Дмитрий Ефимович. А после смерти его эти мероприятия проводились уже в его память и регулярно в течение многих лет.

Приходилось постоянно удивляться, как хватало энергии у Дмитрия Ефимовича уделять самое серьезное внимание всем сторонам жизни института и города: тут и вопросы строительства объектов института и города, научные и конструкторские разработки. И всюду нужно вникнуть,

разобраться, где возникает необходимость оказать необходимую помощь. Нужно побывать у труженников и на рабочих местах — выяснить их настроение и проблемы, и в квартирах горожан — поинтересоваться их житьем-бытьем и, если требовалось, оказать необходимую помощь в чем-то.

Нужно досуг культурный и веселый помочь организовать, выезд на лодке природы. Нужно побывать в магазинах, поговорить с продавцами и покупателями — жителями города, поинтересоваться устраивает ли их ассортимент продуктов и товаров и устраивает ли их культура обслуживания. Нужно съездить в подсобное хозяйство — совхоз, оказать помощь в организации сельхозработ.

А однажды он пригласил меня поехать с ним в наш совхоз Береговой-дальний, где познакомил с директором, главным агрономом, руководителями отделений и сказал: «Бери в свое шефство совхозную птицеферму. Посмотри в каком состоянии ее техника, если нужно что-то улучшить — сделай это. Соответствующие специалисты в твоём секторе есть, и производственная база у тебя неплохая, не то что на заводе».

С тех пор и началось наше сотрудничество с птичниками совхоза. При первом же посещении птицефермы и ознакомлении с ее хозяйством мы увидели, как около десятка молодых работниц вручную рубят: кто топором, кто лопаткой — крапиву и еще какую-то траву. Спросили: для чего все это делается? Нам объяснили, что таким образом они готовят витаминную пищу для кур. Раньше все это делала машина, но теперь она бездействует — сломалась, и теперь приходится вот так рубить вручную.

Беглый осмотр этой бездействующей машины — подобие мясорубки, только

более внушительных размеров — показал, что у нее были поломаны ножи случайно попавшим с травой гвоздем. Оказалось, что поломка произошла потому, что ножи были изготовлены из углеродистой стали с большим перекалом.

Наши умельцы-механики секторской мастерской оперативно изготовили этот аломостный узел из поделочной стали-40, а режущие пластины — из победита. Установленные на место вновь изготовленные ножи перемалывали не ломаясь и не тупясь в течение многих лет не только траву, но и гвозди и проволоку. Птичницы были довольны. Теперь бригада женщин могла заниматься другими, более нужными делами. А витаминную пиццу из трав в нужном количестве теперь готовил один оператор — преклонных лет мужчина.

В ужасном состоянии увидели мы инкубатор. Осмотр системы подогрева воздуха и автоматики регулирования температуры заставил подивиться, как этот агрегат вместе с пылятами и с птичником еще не сгорел. Пришлось его отключить от сети, и все электрохозяйство взять с собой в мастерскую для полной реконструкции и настройки.

В течение пяти дней наши специалисты переделали всю систему подогрева воздуха и автоматического регулирования температуры, установили это оборудование в инкубатор, отрегулировали его работу, и оно исправно и четко выполняло свое назначение в течение многих лет, как и та машина, с помощью которой приготавливалась витаминная пицца.

Странным показалось нам, что птичницы при сборке яиц ходят по рядам клеток с корзинами и собирают в них яйца. Неужели нельзя было предусмотреть для этих целей какой-нибудь примитивный конвейер? Вот эту проблему мы и попытались решить. А для начала изготовили

несколько тележек с трех- и четырехрусными лотками. Все же какое-то облегчение будет в сравнении с корзинами.

Тележки то мы изготовили, но задумке о конвейере так и не суждено было осуществиться. Со смертью Дмитрия Ефимовича наша шефская помощь стала никому не нужной. В нашу жизнь начал насаждаться принцип — каждый занимается своим делом.

Особое внимание уделял Дмитрий Ефимович коллективу четвертого сектора — рабочим, лаборантам, техникам, инженерам, занимающимся экспериментальными исследованиями взрывных процессов с использованием высоковольтных приборных установок.

Работа эта весьма опасная, и безаварийность ее зависит не только от квалификации исполнителей, от степени отработанности технологических процессов, от совершенности оборудования и приборного хозяйства, от хорошо налаженного обеспечения необходимыми расходными материалами, но и от морального состояния исполнителей этой работы, от интереса каждого к этой работе, от условий, в которых она производится.

Почти каждую неделю Дмитрий Ефимович бывал в секторе, обходил все отделы, лаборатории, механические и монтажные участки, беседовал с каждым сотрудником на его рабочем месте. Интересовался проблемами, над решением которых работали коллективы сотрудников и отделы взятые исполнители, результатами работ, планами на ближайший отрезок времени и на далекое будущее. И, если замечал какие-либо затруднения в подготовке и проведении экспериментальных работ или неудовлетворительную обустроенность рабочих мест, незамедлительно принимал меры, устраняющие выявленные недостатки.

Доставалось и мне как начальнику сектора за недоработки по обеспечению нормальных условий работы сотрудников или за нерешенные какие-либо бытовые вопросы, влияющие на работоспособность сотрудника.

А однажды, когда мы всем сектором только-только переселились из корпуса 121 в корпус 122 и толком еще не обжили его, Дмитрий Ефимович зашел ко мне в кабинет и сходу начал говорить, что я плохо заботюсь об условиях, в которых трудятся мои подчиненные.

— Прошелся я по подвальным помещениям, а там влажность 100% и в некоторых комнатах на стенах проступает вода. А ведь там работают люди и станки уже подключены к сети, крутятся. Разве допустимо в такой бане что-то делать, да еще пользоваться электроприборами и электроприводами? Не дай Бог, кого-нибудь током стукнет. Не расхлебать нам с тобой последствий такой беды.

— Ведь это огрехи строителей и, по-видимому, проектировщиков. А что мы успели сделать? Ведь только въехали, оборудование перевезли, смонтировали. Работать надо. Сроки выполнения основных производственных заданий проходят. До наведения марафета руки еще не дошли, — начал было оправдываться я.

Но Дмитрий Ефимович прервал мой монолог и приказным тоном сказал:

— Эти оправдания не помогут, если не приведет Господь, что случится. А сей-

Пик Васильева (Памир, ледник Федченко)

час все работы в подвале с электричеством немедленно прекрати и по возможности нахождение людей там сократи до предела. И давай, сооружай гидроизоляцию вокруг здания. На строителей не надейся. У них сил хватило коть как-то сдать в эксплуатацию это здание и предоставить возможность переселить вас из тесноты. Как соорудить гидроизоляцию — проконсультируйся у Ю. Н. Артамонова. У него и документацию получишь. Чем надо помочь — скажи мне, помогу.

— Как сделать гидроизоляцию фундамента, мне ведомо. Премудростям строительного дела нас обучали в МВТУ, и мы с моим помощником Борисом Николаевичем Сырцовым над этим уже подумали, только руки еще не дошли до реализации задумок. Рабсила у нас найдется, к строителям обращаться не будем. Лишь об одном вас прошу — дайте указание А. С. Карбовскому, чтобы выделил нам на неделю экскаватор и пару самосвалов. Об остальном договоримся с ОКСом.

— Ну, вот и хорошо. Тогда за дело! — весело произнес Дмитрий Ефимович и, попрощавшись, удалился.

Не откладывая в долгий ящик, сразу же отключили все силовые электролинии в подвале, оставили лишь осветительные.

Обсуждая вопросы организации предстоящих работ с Борисом Николаевичем, пожурили сами себя — как это не дошла до нашего сознания опасность использования силовых электросетей в подвальных помещениях с большой влажностью. Ведь вопросы техники безопасности у нас в секторе всегда были на первом месте. А вот тут, надо же, проглядели. А это не прошло мимо внимания директора.

Раздобыв чертежи здания, нарисовали эскиз устройства глиняного «замка» во-круг фундамента и конструкцию бетонной отмостки шириной, выходящей за глиняный «замок». С целью создания абсолютно надежной гидроизоляции по краю отмостки решено было соорудить желоб для стока дождевых вод в одно место, откуда проложить трубу для отвода этих вод подальше от здания. Эскиз этих устройств согласовали с ОКСом. Заполучили из гаража экскаватор и два самосвала. Организовали рабочую бригаду, которую возглавил Борис Николаевич.

И работа началась. Вынимаемый из траншей грунт сразу погружался в самосвал и вывозился на свалку. На следующий день экскаватор перевезли на глиняный карьер (старый демидовский карьер, в котором брали глину для обжига древесины с целью получения угля), располагавшийся за площадкой ПТ-500 вблизи склада металлолома. Там глиной загружались самосвалы, которые свозили ее к траншее, а рабочая бригада заполняла эти траншеи, плотно трамбуя глиняную забивку. Итак, день роется траншея, следующий день — заполняется она глиняной забивкой. И когда тран-

шея, забитая глиной, опоясала все здание № 122, началась укладка бетонной отмостки.

Ежедневно наши работы проверял представитель ОКСа. Почти каждый день заглядывал Дмитрий Ефимович и с завораживающей улыбкой вопрошал: «Ну как, мужики, идет работа?»

Вот так, самостроем, благодаря директорской инициативе и при его непосредственном участии, были исправлены строительные огрехи.

Чтобы поддерживать нормальный микроклимат в подвальных помещениях и безопасные условия работы с высоковольтными установками и силовыми электроагрегатами, после возведения системы гидроизоляции фундамента нами были смонтированы вентиляционные устройства с воздушонагревом, не предусмотренные проектом.

То, что было сооружено нами осенью 1960 года, по сей день исправно выполняет свое назначение. Во всех подвальных помещениях здания № 122 поддерживаются нормальные климатические условия, обеспечивая безопасное обращение с электроустановками.

Знает ли кто из работающих сейчас в этом здании, кем все это обеспечивалось, чьими заботами и чьими руками?

Вспоминая дела давно минувших лет, нашего первого директора Дмитрия Ефимовича Васильева, невольно задаешься вопросом: ну почему современные руководители годами не бывают на рабочих местах? Почему их мало интересует, в каких условиях трудятся люди, каково их настроение, все ли у них ладно в работе и в быту?

Кто ответит на эти вопросы?

8 марта 1961 года скоропостижно, вследствие очередного инфаркта, скончался Дмитрий Ефимович Васильев.

Неожиданная смерть потрясла всех от мала до велика.

Дмитрий Ефимович был любим всеми: и школьниками, и пенсионерами, и трудящимися института, вспомогательных служб и городских организаций. Каждый переживал невосполнимую боль утраты. Не было ни одного человека в городе, который не ощущал бы на себе отеческую заботу Дмитрия Ефимовича в создании благоприятных условий и на производстве, и в быту. Потому невольно каждый с трепетом задавал вопрос: что же будет со всеми нами без такого душевного человека? Найдется ли в нашем коллективе достойная ему замена, человек, который так же беспокойно будет думать о благе всех горожан, к которому можно было бы, как и прежде, прийти с любой бедой и получить утешение и помощь? И не находили сколько-нибудь успокаивающего ответа.

Не успел Дмитрий Ефимович подготовить достойную себе замену, хотя на покой он основательно готовился и об этом всегда говорил. Собирался, освободившись от хлопотных директорских дел, заняться пчеловодством и обеспечивать долгие годы всех горожан ценнейшим продуктом питания — медом. Для осуществления этой задумки он задолго себя готовил, закупил много литературы

по пчеловодству. Изредка выезжал куда-то (кажется на воскресеновскую пасеку) для консультаций. Привозил оттуда и мед, при очередных выездах на рыбалку угощал нас.

Сгорел Дмитрий Ефимович, как когда-то В. Ф. Гречишников, в безмерных делах и заботах, так и не осуществив свою мечту.

Все горожане, как один, настоятельно требовали решения городских партийных органов, исполкома горсовета и руководства министерства о захоронении останков Дмитрия Ефимовича на нашем городском кладбище. Но жена Дмитрия Ефимовича, проживавшая постоянно с дочерью в Москве, настояла на том, чтобы захоронение осуществить в столице, говоря при этом:

— Пусть для вас на память останутся его дела, а нам с дочерью — его тело.

Похоронен Дмитрий Ефимович на Ваганьковском кладбище. На скромном обелиске над могилой начертано: «Уральскому градостроителю».

На протяжении многих лет жители нашего города, попадавшие в Москву то ли по служебным делам, то ли в гости к родственникам, то ли проездом, непременно заезжали на Ваганьково, чтобы отдать дань уважения праху любимого директора.

Прощание с Д. Е. Васильевым, 1961 год

ВСПОМИНАЯ БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА...

(Л. П. Комиссаров¹⁴)

«Память — дар природы, позволяющий хранить образы замечательных людей».

К таким людям с уважением отношу первого директора нашего предприятия и градостроителя — Дмитрия Ефимовича Васильева.

Впервые я встретился с Дмитрием Ефимовичем в первых числах марта 1955 года, когда в поселок Сокол прибыла большая по количеству человек государственная комиссия. Нас, четверых водителей с легковыми автомобилями, выделили в их распоряжение.

Прибыв на указанное место, члены комиссии разложили на капоте моей автомашины карту местности, обступив ее плотным кольцом, и приступили к обсуждению. Мое внимание привлек один из членов комиссии — человек высокого роста, атлетически сложенный, в рыжей мохнатой шапке и в меховом полупальто. Уловив мой пристальный взгляд, этот человек поманил меня к себе пальцем. Выйдя из машины, я подошел к нему. Он обнял меня за плечи одной рукой и повел к кромке берега озера. По-петровски вскинув вторую руку в сторону противоположного берега, он сказал: «Здесь, Лена будет город заложен!» Я, как громом, был поражен его словами. Как это товарищ узнал, что меня зовут Лена, и что в лесу будет построен город? Все это у меня, местного жителя, не укладывалось в голову. Видя мою растерянность, он, улыбаясь, пошел к группе своих товарищей.

Эта комиссия, как я понял, дала «добро» на строительство нашего города.

Мне было поручено обслуживать нового директора, которым оказался мой за-

гадочный знакомый из государственной комиссии.

Первая подача автомашины «хозяину» была связана с большими моими переживаниями, так как мне не приходилось возить «больших людей».

Спешно спросив старых водителей, я получил от них совет — начальство любит быструю езду. Подъехал на ЗИМе к Дмитрию Ефимовичу, и мы поздоровались уже как старые знакомые. С места я взял в карьер. Дмитрий Ефимович, чувствуя неладное, повернулся в мою сторону и стал пристально на меня смотреть. А я стал выкладываться на все, на что был способен. Бездорожье, поток транспорта с материалами для строительства города не давали развить большую скорость. Находясь под внимательным наблюдением директорских глаз, и от волнения покрылся потом и вдруг слышу спокойный голос Дмитрия Ефимовича:

— Лена, ты куда торопишься?

— Никуда...

— Но и я не спешу. Ездить надо так, чтобы испытывать удовольствие, но не страх. Ты гонишь машину, а в себе не уверен, и я волнуюсь, не уверен в тебе!

Это было для меня первым уроком.

Дмитрий Ефимович был хорошим собеседником и рассказчиком, разговор с простыми людьми ему доставлял удовольствие, может быть, даже он в таких разговорах нуждался. Дмитрий Ефимович не раз говорил, что беседовать с простыми людьми интересно, потому что они говорят все откровенно, прямо, просто и открыто, не заискивая и не лицемера.

Однажды, возвращаясь из районного центра, на четвертом километре в попутном направлении шли по дороге два пешехода — взрослый мужчина и мальчик. Погода была ненастная, осенний дождь

со снегом, на дороге — распутица. Зная Дмитрия Ефимовича, что он не отнесется безразлично и мы не проедем мимо этих двух пешеходов, я стал беспокоиться, и вдруг слышу: «Подвезем». Я стал упрашивать Дмитрия Ефимовича этого не делать, так как нам через два километра сворачивать, что эти люди не наши попутчики, что им надо дальше в прямом направлении, что на наших сиденьях белые крахмальные чехлы...

— Постираешь, — сказал Дмитрий Ефимович и приказал остановиться. У меня оставалась последняя надежда на то, что эти люди, открыв дверь машины, увидят белые чехлы и откажутся садиться. К моему ужасу, первым юркнул в машину мальчик, за ним крихты, влез старик, оставляя абстрактные картины на белых чехлах от забрызганных грязью и мокрых плащей. Глядя на мое волнение, Дмитрий Ефимович понимающе улыбался. Попутчиками оказались дед и внук. Дед для Дмитрия Ефимовича стал приятным со-

беседником. Незаметно проехали километры до нашего поворота, я остановился, Дмитрий Ефимович прервал разговор с пассажиром и дал команду:

— Прямо.

А это значило довести наших пассажиров до села за восемнадцать километров, что и было сделано. И надо думать, что этому старику и его внуку на всю жизнь запомнилось, как один большой начальник по плохой дороге, в непогоду, за небольшие километры подобрал и специально доставил их в село...

Хорошо помню, как был совершен «шоферской обряд» с участием Дмитрия Ефимовича. А было это так.

На нашей городской партийной конференции были избраны на областную партийную конференцию восемь коммунистов — Д. Е. Васильев, Н. В. Салтыков, Е. И. Забабахин, Г. А. Карлыханов, Е. М. Голиков, Ю. А. Зысин, П. А. Есин и я — водитель (сочетая полезное с приятным). В пути Дмитрий Ефимович напо-

мнил мне, что до начала регистрации делегатов областной партийной конференции осталось 50 км расстояния и 50 минут времени. Моя задача состояла в том, чтобы уложиться в эти расчеты.

Никто из моих пассажиров не знал, что через 11 километров у моей автомашины будет пробег 100 000 километров, при котором водитель дол-

жен совершить свой «шоферской обряд». Последние километры быстро таяли. Меня охватило волнение, как среагируют на шоферский ритуал мои спутники, не скомпрометирую ли я этим Дмитрия Ефимовича и не произведу ли впечатления, что я не в своем уме? На спидометре появились нули, я резко остановил машину, чем прервал спокойную беседу своих пассажиров. Дмитрий Ефимович спросил меня: «Леня, что случилось?» Я стал объяснять, показывая на нули спидометра, что надо совершить обряд.

— А в чем он заключается? — спросил Дмитрий Ефимович.

— Я должен сделать три круга вокруг машины.

— Ну и бегай.

Я вылез из машины, погладил рукой крыло автомобиля и с теплым чувством к машине, которая не подвела меня ни разу, побежал, делая первый круг. Перед дверцей, где сидел Дмитрий Ефимович, я вынужден был остановиться, так как она открылась — из машины стал выходить Дмитрий Ефимович. Я ожидал, что меня водворят в машину и прикажут ехать дальше. А Дмитрий Ефимович, повернувшись к сидящим, сказал:

— А вы что сидите?

— А что нам делать?

— Бегать всем три круга вокруг машины за Леной!

Сразу раскрылись все двери автомашины, и образовалось кольцо бегущих взрослых людей. В то время на дороге никого не было и некому было наблюдать эту сцену.

Большую любовь Дмитрий Ефимович испытывал к природе и говорил: «Если бы мне довелось повторить жизнь сначала, я бы обязательно стал зоологом».

Однажды в воскресенье я был с Дмитрием Ефимовичем на зимней рыбалке, он отложил удочки в сторону, поднявшись не спеша, что-то насматывая, пошел. Я стал наблюдать за ним. Выйдя на берег, он остановился и стал смотреть в одну точку — то присядет, то на носках приподнимется, сделает наклон в одну сторону, потом в другую. Потом осторожно поднял сосновую ветку, внимательно осмотрев ее, осторожно положил на прежнее место и довольный пошел дальше.

Доставив Дмитрия Ефимовича после рыбалки домой, я вернулся на старое место, где был Дмитрий Ефимович. Принял ту же позу, передо мной был засыпанный снегом пенек, вокруг него — сухая трава и лежащая сосновая ветка. Как я не напрягал свое воображение, никакой интересной картины для себя не нашел. Видимо, истинный любитель природы видит то, что не дано видеть другому.

Шла подготовка к встрече Нового года. Молодежь поселка, чтобы украсить клуб зелеными гирляндами, вышла с топорами рубить сосновые ветки. Не заходя в глубь леса, так как было много снега, они стали рубить ветки на деревьях, стоящих вдоль дороги, оставляя их с голыми стволами. Ехавший мимо Дмитрий Ефимович, увидев такую варварскую порубку, пришел в такой гнев, в такое возбужденное состояние, в каком я его до этого не видел. Он тотчас прервал глумление над природой, отчитал молодежь за бездушное отношение к лесу, за нарушение природной красоты, ласкающей глаз. А лесника Медведева наказал.

Это был замечательный человек. Человек с большой буквы. Я светлую память о нем храню в своем сердце.

ВОСПОМИНАНИЯ П. Я. УСИКОВА¹⁵

С Дмитрием Ефимовичем мне довелось впервые встретиться в июне 1955 года в управлении кадров нашего министерства, где мне были устроены «смотрины». Решался вопрос о моем назначении на работу в институт.

Я пришел за 10—15 минут до назначенного времени встречи, а Дмитрий Ефимович — в точно назначенное. После трех-четырёх вопросов, заданных Дмитрием Ефимовичем, он дал «добро» на мое назначение.

Дмитрий Ефимович сразу произвел на меня очень хорошее впечатление — точен, опрятен, симпатичен. Фигура могучая, черты лица крупные, улыбка приятная. Позже, работая в институте и встречаясь с ним ежедневно, я понял, что он очень трудолюбив, деловит, своему делу не просто служит, а безгранично предан. Строг и очень справедлив, интересный собеседник и рассказчик.

Круг интересов Дмитрия Ефимовича был очень широк. Он обладал глубокими знаниями в технике, строительном деле, архитектуре, музыке и литературе. Он знал и любил природу, многое делал, чтобы сохранить лес, озера, диких птиц и животных.

Когда приступили к массовому строительству жилья, Дмитрий Ефимович распорядился об охране лесного массива вдоль озера, на берегу которого вырос наш город. И даже потребовал сохранять деревья внутри кварталов. Он говорил начальнику строительства Н. М. Иванову, что за каждое загубленное дерево будет очень строгий спрос. Иванов отдал распоряжение, и лес был огорожен легкой изгородью, а доступ туда строителям запрещен. В наши дни сохраненный лесной массив стал городским парком.

Вспоминается много добрых больших и малых дел Дмитрия Ефимовича...

У дороги Касли—Тюбук Дмитрий Ефимович обнаружил родник вкусной чистой питьевой воды. Вернувшись к себе, он вызвал ответственного работника административно-хозяйственного отдела и приказал установить у родника скамейку, а на подставку поставить кружку, чтобы люди могли посидеть, отдохнуть и попить водички.

На вопрос хозяйственника: «А если кружку уведут?» — Дмитрий Ефимович ответил: «Отвезешь вторую, а если потребуются, и третью».

Зима 1955—1956 гг. была очень снежной и морозной. Дорога Челябинск—Свердловск после ее очистки от снега была по существу траншеей, обрамленной снежными валами высотой более метра. Машине, человеку и зверю, попавшим на эту дорогу-траншею, выбраться из нее можно было только в местах пересечения автотрассы с дорогами-ответвлениями, ведущими в другие населенные пункты. Дмитрий Ефимович любил управлять автомобилем и частенько при дальних поездках садился за руль служебной машины, а водитель — рядом в качестве пассажира.

Однажды, возвращаясь из Челябинского обкома партии в довольно позднее время, Дмитрий Ефимович сел за руль и с включенными фарами, как всегда на хорошей скорости, повел машину. И вдруг в свет фар попал бегущий заяц. Дмитрий Ефимович немедленно сбросил скорость, чтобы не настигнуть и не задавить его. Довольно долго мы ехали за зайцем в надежде, что тот сумеет вырваться и уйдет от нашего вынужденного преследования. Но время шло, спидометр отсчитывал километры, заяц бежал впереди, а Дмитрий Ефимович спокойно вел машину.

Музейная реконструкция кабинета Д. Е. Васильева, г. Снежинск

И только тогда, когда заяц прыгнул куда-то в сторону, машина увеличила скорость.

Однажды Дмитрий Ефимович позвонил мне и попросил найти начальника проектного отдела А. Е. Россинского и вместе с ним зайти к нему.

Когда мы пришли в кабинет, Дмитрий Ефимович, не теряя времени, сказал, что в журнале «Техника — молодежи» есть рисунок и описание 25-метрового плавательного бассейна, и нужно решить вопрос, как построить в нашем городе такой бассейн при отсутствии проектной документации, финансирования и, главное, в условиях действующего запрета на строительство подобных объектов. И тут же предложил свой план действий.

По этому плану предусматривалось создание оргкомитета по строительству бассейна на общественных началах. Председателем комитета решено было избрать научного руководителя предприятия

Кирилла Ивановича Щёлкина, а меня и Россинского — членами комитета. Россинскому было поручено по рисунку и описанию выпустить рабочие чертежи, а мне — поднять комсомольцев на земляные работы в неурочное время. Щёлкин должен был сыграть решающую роль в преодолении запрета строить бассейн: в те годы действовало постановление правительства, запрещающее строительство административных зданий, спортивных и зрелищных сооружений.

Деньги отпускались только на строительство жилья, школ, детских и медицинских учреждений, производственных помещений. Запрет этот — отголосок не так давно закончившейся Великой Отечественной войны.

Было выбрано место, сделана привязка к местности и геодезическая разбивка здания плавательного бассейна. Началась дружная работа по рытью котлована.

Но земляные работы, производившиеся вручную, довольно скоро были приостановлены, так как под небольшим слоем земли оказалась скальная порода, взять которую можно было только техникой. Наши радужные планы становились нереальными. Положение спас Кирилл Иванович Щёлкин. Отправившись в Москву по своим основным делам и будучи известным правительству, он добился не только разрешения на строительство бассейна, но и включил его в титул с дополнительным целевым финансированием.

Дмитрий Ефимович, проявив инициативу по строительству бассейна, хорошо знал, кому поручить столь сложное дело.

Так появился в нашем городе плавательный бассейн «Урал», первый в городах нашей системы и один из первых на Урале.

ВОСПОМИНАНИЯ Е. А. ФЕОКТИСТОВОЙ¹⁰

Дмитрий Ефимович Васильев — незаурядный человек с уральской душой. И я бы назвала его отцом нашего города. Он любил наш город, мечтал о его будущем. И много сделал для того, чтобы город стал таким, каким мы видим его сегодня.

Во второй половине пятидесятых годов, когда город только начинался, Дмитрий Ефимович уже мечтал о плавательном бассейне, музыкальной школе, Дворце культуры. В те годы это казалось странным, так как мы частенько сидели без электричества, без тепла — жались к плитам на кухне, которые топились дровами. За водой бежали к озеру с чайниками и бидончиками. За катушкой ниток при-

ходилось ходить в магазин жидкоселка № 2 — автобусного движения еще не было. И вот в этих условиях Дмитрий Ефимович мечтал о комфорте, хороших условиях быта. Все это казалось нереальным. Но его мечты не были маниловскими. Дмитрий Ефимович умел быстро воплощать свои замыслы в реальность. И сегодня мы видим, что город стал современным, уютным и красивым. О таком городе мечтал наш первый директор института Дмитрий Ефимович Васильев.

Он был неординарным человеком: человеком большой души, богато одаренным, с разными интересами, эрудитом в широком круге вопросов.

Как руководитель предприятия Дмитрий Ефимович был доброжелателен и внимателен к людям, в том числе и к самым незаметным труженикам. Помню эпизод тех времен, когда администрация имела право отказывать работнику в его просьбе об увольнении. Дмитрий Ефимович лично рассматривал такие заявления в присутствии заявителя и начальника соответствующего подразделения. Рассматривалось заявление одного паренька из нашего отдела, недавно принятого на работу, выпускника ПТУ. Он просил уволить его с предприятия, так как ему трудно и тоскливо без матери в нашем городе. Я отказала ему, считая такие мотивы не серьезными.

Войдя в кабинет директора, пареньек остановился и, переминаясь с ноги на ногу, начал бессвязно лепетать о том, что он скучает без мамы и хочет жить вместе с ней в своем родном Нижнем Тагиле. А потом из его глаз потекли слезы... Задумавшись на несколько секунд и еще раз взглянув на паренька, Дмитрий Ефимович коротко и твердо сказал: «Отпустим».

Этот случай стал для меня большим жизненным уроком. Я поняла, что законы законами, но если ты можешь сделать для кого-то добро, то его нужно делать. Я была удивлена и обрадована таким вниманием большого руководителя к заботам и чувствам еще «зеленого» юнца.

Хочется рассказать и еще об одной черте Дмитрия Ефимовича. В своей деятельности он был истинным энтузиастом и умел заражать собственной увлеченностью окружающих. Загораясь какой-нибудь идеей, он доносил ее до собеседника с поразительным красноречием. Слушать его всегда было большим удовольствием. Выступал он без каких-либо шпаргалок. Это был оратор милостью божьей.

Помню, мне три вечера подряд пришлось участвовать в совещаниях городского масштаба по вопросам совершенно разного характера. Одно из них было посвящено воспитанию молодежи, второе — освоению новой техники, а третье — итогам очередного пленума ЦК КПСС. Я с интересом наблюдала за Дмитрием Ефимовичем: он оживленно перешептывался с соседями в президиуме совещания. Потом в какой-то момент брал слово для выступления. Все три его выступления, посвященные таким разным вопросам, были блестящими как по форме, так и по содержанию. Каждое выступление давало полный анализ вопроса и пути его решения.

У меня каждый раз после выступления Дмитрия Ефимовича появлялась решимость сделать все возможное и невозможное, но любой ценой выполнить поставленную задачу. Уметь так зажигать слушателей — редкий дар. Этим даром Дмитрий Ефимович был наделен в полной мере.

СНЕЖИНСКИЙ ЯДЕРНЫЙ ЦЕНТР СЕГОДНЯ

В настоящее время РФЯЦ – ВНИИТФ является одним из ведущих научно-исследовательских институтов мирового уровня, обеспечивающим разработку и авторское сопровождение ядерных зарядов и ядерных боеприпасов, составляющих основу стратегических и нестратегических ядерных вооружений России.

Используя знания, опыт и созданную за годы разработки ядерного оружия вычислительную и экспериментальную базу, институт занимается широким спектром фундаментальных и прикладных научных исследований, ведет разработку оборудования общепромышленного и медицинского назначения.

За последние годы в рамках выполнения государственного оборонного заказа и ряда федеральных целевых программ в РФЯЦ – ВНИИТФ реализовано следующее:

- введен в эксплуатацию высокопроизводительный вычислительный комплекс, разработаны и используются новые модели и программы параллельных численных расчетов по основной тематике;
- завершен ряд опытно-конструкторских разработок со сдачей новых и модернизированных изделий заказчику;
- внедрены автоматизированные технологии изготовления прецизионных деталей сложной геометрии, в том числе для узлов серийного производства ядерных боеприпасов;
- выполнен первый этап глубокой модернизации опытного производства (введено в эксплуатацию более 50 единиц современного высокотехнологичного оборудования);
- модернизированы испытательные стенды и комплексы;
- созданы мобильные многоканальные измерительные комплексы для работ на внешних полигонах;
- обновлены комплексы газодинамической обработки и материаловедческих исследований.

В процессе конверсии и диверсификации в РФЯЦ – ВНИИТФ завершено и близко к завершению создание эффективных технологий и разработок, которые используются и могут быть использованы в промышленности:

- технология гидрорезки прочных материалов и изделий из них;
- технологий взрывной разделки крупногабаритных металлических конструкций;
- сварочные устройства для перфорации стенок нефтяных и газовых скважин;
- айцесортировальные машины;
- сверхъяркие экономичные светодиоды;
- твердооксидные топливные элементы;
- контейнеры нового поколения для транспортировки и хранения отработанного ядерного топлива атомных электростанций.

В РФЯЦ – ВНИИТФ уже более 10 лет действует уникальный центр нейтронной терапии онкологических заболеваний; завершено строительство комплекса по производству радиофармпрепаратов для позитронно-эмиссионной томографии.

К настоящему времени в институте сложился сильный коллектив ученых: 180 кандидатов и 37 докторов наук, 7 профессоров, 2 академика РАН.

За выдающийся вклад в укрепление обороноспособности государства сотрудники РФЯЦ – ВНИИТФ награждены в разные годы высшими государственными наградами, орденами и медалями, удостоены лауреатских званий.

Только в 2011 г. 3 сотрудника стали лауреатами премии Правительства РФ, 16 человек награждены орденами и медалями, 6 молодых научных сотрудников и 6 их руководителей удостоены премии Госкорпорации «Росатом», 24 молодым специалистам и рабочим присуждены премии имени выдающихся ученых и руководителей РФЯЦ – ВНИИТФ. 79 сотрудников отмечены нагрудными знаками и почетными грамотами Госкорпорации «Росатом».

В 1999 в Российском Федеральном Ядерном Центре – ВНИИ технической физики им. академ. Е. И. Забабахина учреждена премия им. Д. Е. Васильева, которая вручается лучшим работникам института, внесшим наибольший вклад в организацию производства, за выполнение наиболее важных производственно-технических задач.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь и деятельности Д. Е. Васильева достаточно подробно освещены в книге Т. Г. Новиковой «Д. Е. Васильев» (Екатеринбург, издательство «Художник», 1997). Также в книге «Открывал первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинска-70)» (автор-составитель Б. М. Емельянов; Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997) постоянно упоминается первый директор. В книге «На орбитах памяти. Об основателях и соавдателях уральского ядерного центра» (авторы-составители В. И. Никитин и Г. В. Казаченкова; Снежинск: Издательство РФЯЦ — ВНИИТФ, 2009) Д. Е. Васильеву посвящен целый раздел (С. 105—132), в котором содержится очерк его жизни, подготовленный В. К. Потапкиным (с. 105—116), и воспоминания (с. 117—132).

Деятельности Д. Е. Васильева была посвящена конференция, проходившая в г. Лесной в 2002 году и посвященная столетию со дня рождения Д. Е. Васильева.

Вместе с тем, единого сборника, охватывающего все этапы деятельности Уральского Градостроителя и освещающего по возможности все ипостаси облика этого уникального человека, по-прежнему не существует. В настоящем издании мы пытаемся несколько расширить наши знания о Д. Е. Васильеве по документальным источникам.

При составлении книги отбирались в первую очередь те документы, в которых видны основные черты Дмитрия Ефимовича: гуманизм и стратегическое видение при решении поставленных задач.

Среди материалов, вошедших в сборник, наиболее ценными представляются ранее не публиковавшиеся воспоминания В. И. Жучихина, раскрывающие сложную и порой драматическую обстановку первых лет развития Снежинска. Для понимания феномена Д. Е. Васильева нам важен и фон, на котором разворачивались события, описываемые в воспоминаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ На орбитах памяти. Об основателях и создателях уральского ядерного центра РФЯЦ — ВНИИТФ. Снежинск, 2009. С. 105.
- ² Воспоминания К. Г. Семкова 1927 г. р., проживающего в поселке Суксун по ул. Кирова, 102, и информации из метрических книг собраны и записаны Н. Н. Токаревой в 2009 г.
- ³ Получено из Музея истории Уралмаша в августе, 2001 г.
- ⁴ В тексте вставлено от руки, в скобках: (в 25 лет!).
- ⁵ Помечено от руки: «1943? Взято на личного дела».
- ⁶ Из трилогии П. Г. Пронягина «Урал. Три периода» (2005). Отрывки.
- ⁷ Работал с 15.09.49 года: инженер, заместитель главного энергетика, с 27.12.61 года главный энергетик, уволен на пенсию 12.04.71 года. Печатается с сокращениями.
- ⁸ Записано Е. В. Кондратьевой 26.02.04, г. Лесной.
- ⁹ Н. А. Кашеев, доктор технических наук, начальник 1 цеха ЭХП с 1966 по 1995 г.
- ¹⁰ Первый начальник отдела кадров завода № 814 (завод «Электрохими прибор»).
- ¹¹ Воспоминания В. П. Куликова записаны Е. Деевой, опубликованы в газете «Радар», ноябрь 2002 г.
- ¹² Запись интервью и вступительные абзацы: И. Полевая, интервью записано в феврале 2002 г., г. Лесной.
- ¹³ Воспоминания В. И. Жучихина написаны в 1995 г., публикуются впервые.
- ¹⁴ «Радар», 22.11.02., Снежинский городской музей.
- ¹⁵ На орбитах памяти. Об основателях и создателях уральского ядерного центра РФЯЦ — ВНИИТФ. г. Снежинск, 2009. С. 125—127.
- ¹⁶ На орбитах памяти. Об основателях и создателях уральского ядерного центра РФЯЦ — ВНИИТФ. г. Снежинск, 2009. С. 127—129.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Биографическая справка	5
СУКСУН	7
Воспоминания К. Г. Семкова.	12
Письмо Д. Е. Васильева к В. П. Стародумовой в Суксун	14
На Уралмаше	18
ЛЕСНОЙ.	21
«Электрохимприбор». Начало.	24
Воспоминания П. Г. Пронягина	26
Записки главного энергетика. (Воспоминания В. Я. Комарова)	33
Записки В. Г. Югова (отрывки)	35
Так начинали. (Воспоминания Н. А. Кащеева)	40
Был этой силы частица. (Воспоминания В. М. Катаева)	44
Он верил в нас. (Воспоминания В. П. Куликова)	45
Воспоминания Л. Н. Левановой	49
СНЕЖИНСК	53
Начало. В. И. Жучихин (Из истории ВНИИТФ и города Снежинска)	58
Вспоминая большого человека... Л. П. Комиссаров	93
Воспоминания П. Я. Усикова	96
Воспоминания Е. А. Феокистовой	98
Снежинский ядерный центр сегодня	100
Заключение	101
Примечания	102

ДВАЖДЫ ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР

Под редакцией Н.П. Волошина

Редакторы	Г. В. Казаченкова, В. Б. Литвинов
Компьютерная верстка, обработка фотографий	Т. Б. Прякина
Дизайн, обложка	Н. Н. Шувалова
Корректор	Н. И. Потеряхина

Оригинал-макет подготовлен
информационно-издательской группой
отдела международных связей и научно-технического сотрудничества
РФЯЦ – ВНИИТФ

Тираж отпечатан в печатном салоне "Колibri"
456770, г. Снежинск, Челябинской обл., ул. Ленина, 19
Заказ № от
ИНН 742300101713

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

СЫДЫЛЬСКОЕ.
гггг
Драматургический
Ловотта, сынъ удостовѣренъ, что Васильевъ Дмитрий Владимѣ-
ровичъ преставился вурсуемъ вн. и завода, драмо-
ургическаго завода родн. 1902 года ноября 10 дня
при отмыканья поведеніи окончилъ курсъ ученія въ Боготрамен.

Бурсука Катерина ученица, окончила 5 классов

По Закону Божьему удовлетворенъ. 17
 . церк.-слав. и русск. чтенію удовлетворенъ. 17
 . архимандритъ удовлетворенъ. 17

По числамъ 1866-го года (13)

Видано 10 сент.
Підсудимий
М. М. М.

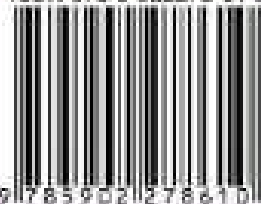
дня 1914 года. Евдоким
Звонина Принимает

Businesses - Municipalities 30 Jan 1917. # 26316

Oxford University Continuing Education | **Pharmaceutical Marketing**

ISBN 978-5-902278-61-0

9 785902 278610